

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Три места
ПОД СОЛНЦЕМ

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Три места под солнцем

«Научная книга»

2008

Серова М. С.

Три места под солнцем / М. С. Серова — «Научная книга»,
2008 — (Мисс Робин Гуд)

Из-за порочного пристрастия прокурора Синдякова к дорожным гонкам Полина Казакова осталась сиротой. В результате столкновения с мчавшейся на предельной скорости машиной прокурора взорвался автомобиль родителей. Случайно Полина услышала, как Синдяков убеждал личного водителя свидетельствовать против Казаковых. Обвинение было успешно сфабриковано, прокурор оправдан... Прошло много лет, прежде чем девочка Полина выросла и решила отомстить за свою семью. Цель ее, как у легендарного Робин Гуда, благородна. Только действует она иначе: без драк и потасовок, изящно и по-женски непредсказуемо. Негодяю не уйти от возмездия!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Серова

Три места под солнцем

Глава 1

Наверное, я не очень счастливый человек. Потому что с удовольствием еду только домой с работы и с отвращением – на работу. Надо же было выбрать себе такую серую специальность – юрисконсульт! Вот познакомлюсь с молодым человеком, он меня спросит:

– Чем вы занимаетесь, прекрасная пани?

А я отвечу:

– Тружусь юрисконсультшей на кирпичном заводе «Красный Октябрь», сударь!

Для создания женственного и романтического образа больше подойдет только танкостроительный. «Путь Виссарионыча». Хотя какая мне разница? С молодыми людьми у меня все равно не ладится. То ли требования у меня завышенные, то ли в нашем Горовске как по заказу собраны худшие экземпляры, не знаю. Только в свои двадцать восемь лет я еще ни разу не сходила замуж. О чем, впрочем, не жалею, потому что семья у меня есть, это мой дед Аристарх Владиленович, Ариша, самый потрясающий дед в мире с кучей недостатков, заядлый и виртуозный карточный игрок, интриган, ворчун, сибарит. Мы нежно любим друг друга. Потому что любить нам больше некого.

Кроме, пожалуй, нашего дома. У нас прекрасный дом в коттеджном поселке – большой, просторный, красивый, с камином в одной из гостиных и с русской печкой на кухне, сейчас я приду домой и быстренько за жарю какой-нибудь полуфабрикат. А потом усядусь с книжкой перед камином – буду лениво листать страницы, дедуля станет что-нибудь рассказывать из своего легендарного прошлого, и вся серость и скука сегодняшнего дня растает, как темная тучка.

А вот и тучка. Накаркала. Впереди на трассе действительно поднималось густое черное облако. Я машинально сбросила скорость, и вовремя: еще чуть-чуть, и пришлось бы применять экстренное торможение, машины впереди меня стояли. Неприятно засосало под ложечкой – я не любитель страшных зрелищ, а запах гари, который проникал в мой «Мини Купер» даже через закрытые окна, не обещал ничего хорошего.

Так и есть. Теперь в черном дыму стали видны всполохи пламени. Я заглушила двигатель. Закрыла глаза ладонями. Не видеть, не слышать. Только не дышать не получалось. А запахи тоже имеют особенность пробуждать память. Я вышла из машины – чтобы не дать картинкам прошлого всплыть в памяти, лучше оказаться на людях. Ноги помимо моей воли понесли меня к месту трагедии. Все как тогда.

* * *

В тот вечер мы вернулись поздно. Наш загородный дом был практически готов, переезжать собирались со дня на день, поэтому мама и папа все свободное время приводили коттедж в порядок. Загородное строительство еще не вошло в полную силу, мы одни из первых решили перебраться из городской квартиры поближе к природе. Папа остановил машину у подъезда:

– Девчонки, вы домой, а я – в гараж!

– Я тоже в гараж, – заявила мама, – прогуляюсь, подышу выхлопными газами, полюбуюсь живописными серыми хрущевками, глотну городской пыли. А то от цветочков, птичьего щебета и чистого воздуха голова разболелась. Поинка, ты с нами?

– Ладно, идите, – великодушно разрешила я, – а то дома вам посекретничать негде.

Жили мы в трехкомнатной квартире вместе с бабушкой, места хватало всем, но у родителей все равно не было собственной комнаты, и вечером вся семья допоздна сидела в гостиной, которая одновременно являлась и спальней родителей. Родителям редко удавалось побыть наедине, им приходилось ждать, когда все разбредется по своим комнатам. Впрочем, жить можно было уже и за городом, в просторном коттедже. Дом был полностью пригоден для жилья, отделан, мебель заказана, коммуникации подведены. Оставались формальности с продажей квартиры, и можно было перебираться окончательно. Впрочем, в восторге от этого события были родители и дед, я же переживала: все мои подруги жили в городе. Ну что я там буду делать целыми днями одна, с птичками и цветочками? Зачем мне этот простор и свежий воздух? Простора мне и на улице хватает.

– Ты не понимаешь своего счастья, дурочка, – говорила мама, – это же целое поместье! Ты можешь приглашать сюда всех, кого пожелаешь и на сколько пожелаешь. В твоём распоряжении не только огромный дом, но и сад, на чердаке сделаем мансарду, будет третий этаж. Со временем можно даже бассейн построить.

– А если мне приспичит секретничать немедленно, – не соглашалась я, – сидеть и ждать, когда Алина приедет в гости? Нет, это не жизнь, это монастырь какой-то.

Родители, видя мою горячность, посмеивались и грозили родить мне специально для секретов сестру, что приводило меня в ещё большее негодование. Я привыкла быть любимой и единственной. И испытывала огромное наслаждение, находясь в центре внимания родителей. Поэтому любила проводить с ними время и в другой момент не отказала бы себе в удовольствии прогуляться с родителями от гаража, но вчера случилось такое! Такое, что примирило меня с переездом за город. В ближайшем соседстве с нами достраивала дом другая семья, и их сын, почти уже взрослый шестнадцатилетний парень, пригласил меня вечером прогуляться до реки. Прогулка не совсем была похожа на свидание, как я его себе представляла, но это все же было первое свидание! И влюбилась я, кажется, по уши. По этому вопросу мне срочно надо было посоветоваться с Алиной, моей подругой. Хотя бы по телефону – время было позднее, вряд ли ее родители обрадовались бы моему визиту в 12 часов ночи.

– Пока, мам! Пока, пап! Смотрите не загуливайтесь до утра, а то оставим вас без сладкого.

Машина развернулась и медленно поехала. Перед выездом со двора папа притормозил, дождался, пока загорелся зелёный глаз светофора, и стал аккуратно выкручивать на главную дорогу. Что произошло дальше, я не поняла. Чёрная молния, мерзкий скрежет, яркое пламя, темные силуэты на ослепительном фоне. Не помню, как я оказалась возле дороги. Стоять трудно, но меня поддерживает белая кирпичная стена дома. Я почти слилась с ней в темноте в своём светлом легком платье. Вокруг меня мечутся люди, хлопают двери подъездов. Одна я стою. Ноги ватные, в ушах звенит. Сквозь этот звон до моего сознания доносятся голоса:

– Владимир Михайлович, чего делать-то?

– Ничего. Сейчас менты подъедут, потихонечку выйдем. А то народ горячий, не разобравшись, кто мы, разорвут. Хорошо, догадались машину бросить. Стой себе, не привлекай внимания.

– А ментам чего говорить? Посадят ведь!

– Ты, Леха, горячку не пори. Ты трезвый? Трезвый. Это главное. Отмажемся.

– Да как же отмажемся, Владимир Михайлович? Мы неслись чуть не сто восемьдесят! А тут светофор, ему зелёный свет был!

– А кто видел? Ночь, все сидят дома, телевизор смотрят. Так что не вздумай правду говорить. Скажешь, ехал шестьдесят. На светофоре нам зелёный был. А он ка-а-ак выскочил, – говорящий пьяно хихикнул, – и в тебя врезался. Выехал с бешеной скоростью, и прямо в тебя!

– Владимир Михайлович, а девка?

– Так ее уже и след простыл. Так рванула из машины, что все добро свое оставила. Ты ее, кстати, завтра найди, сумочку отдай и предупреди, что с нами ее не было и вообще, если что кому вякнет – закопаю. Если будет артачиться – скажешь, разберусь.

– А менты? Картинка же ясная! Видно, кто кого стукнул, и скорость он не мог приличную развить, со двора выезжал!

– Менты не дураки! Поэтому будут не картинки рассматривать, а меня слушать. Ты со страху забыл, кто я есть?

– Так жертвы же!

– Жертвы! Это я жертва! По своему городу проехать не могу, чтобы какой-нибудь говнюк не подвернулся. Ни днем ни ночью покоя от них нет. Знать надо, что я по ночам этой дорогой гоняю и скорость люблю. Учить их нужно. Сегодня эти сдохнут, завтра другие сто раз подумают. Все, менты едут. Пошли тихонечко. И молчать про скорость и светофоры.

Этой ночью погибли мои родители. Мне было четырнадцать лет.

* * *

Все как тогда. Догорает железный скелет машины. Ноги ватные, в ушах звенит. Только стоят рядом со мной не убийцы моих родителей, а простые автолюбители, случайные свидетели трагедии.

– Гад, вылетел на встречную, эти увернуться хотели, да напрямиком в дорожный указатель. А сзади им «КамАЗ» «помог». Наверное, сразу насмерть. А этот скрыться пытался, да развернуться не смог. Настолько пьян, что в кювет скатился. Как же он мимо постов ГАИ ехал?

– А кто его остановит с такими номерами и мигалкой? И ведь все с рук сойдет. А люди погибли. И еще гибнуть будут.

Кому, как не мне, знать это! Тогда, четырнадцать лет назад, я не думала о наказании убийцы мамы и папы. Я вообще не вполне понимала, что произошло. Настоящее казалось настолько несправедливым, что выглядело нереальным. Дед потом говорил, что я не плакала ни на похоронах, ни во время следствия. Только однажды, когда в коридоре следственного управления услышала голос Лехи, водителя, убившего моих маму и папу, я потеряла сознание. Впрочем, мои робкие и сумбурные показания вообще не попали в дело, в действиях Алексея Водяникова, водителя главного прокурора города, катавшего в тот вечер своего пьяного хозяина, состава преступления найдено не было. Виновником происшествия признали моего папу. Экспертиза показала, что в крови его находился большой процент алкоголя, к тому же водитель и его пассажир утверждали, что он на огромной скорости выехал на запрещающий сигнал светофора.

Дело замяли, но мы, как наследники виновников происшествия, должны были выплатить компенсацию за ремонт автомобиля прокурора, Синдякова Владимира Михайловича. Наследники – это я и мой дедушка, Аристарх Владиленич. Мы продали квартиру и смогли расплатиться с убийцей. Оставшуюся сумму и все остальные, весьма немалые семейные накопления дед дальновидно вложил в акции одной из самых прибыльных российских компаний. В то время этот поступок казался опрометчивым, сейчас же приносит нам весьма неплохие дивиденды, я могла себе даже позволить не работать, но надо же было чем-то заниматься! Если бы не работа, я так и не вылезала бы из кресла перед камином. И моя Алина, с которой мы дружим до сих пор, совсем бы запилила меня.

* * *

Звук сирены прогнал воспоминания, наконец прибыли милиция и машина «Скорой помощи». Гаишники деловито наладили объезд, поток машин медленно двинулся вперед. «Не

смотреть!» – командую я себе, но взгляд помимо моей воли останавливается на двух неподвижных телах на обочине. Мужчина и женщина. В кювете возле черного авто с включенными мигалками сидит и плачет пьяный водитель. Ему тоже ничего не будет. Его тоже отмажет начальник, очередной прокурор или депутат. И дочка этих несчастных так же, как я, будет жить без ласки мамы и защиты отца и тоже вырастет серым обывателем и будет всю жизнь спокойно дремать с книгой в кресле перед камином. И также заплатит убийце своих родителей. Так кто тогда из нас хуже? И не пришло ли время заплатить по-настоящему?

Этим вечером я, вопреки обыкновению, внимательно смотрю вечерний выпуск местных новостей. На экране уже знакомая мне картина: обгоревшая машина, слегка помятый черный автомобиль с мигалками. В фургон «Скорой помощи» грузят два тела: лица не закрыты, значит, они еще живы. Слава богу. За кадром звучит по-пионерски бодрый голос дикторши:

– Сегодня на выезде из города произошла крупная автокатастрофа с участием заместителя главы администрации города Александра Королева. Предположительно, водитель «девятки» не справился с управлением и столкнулся с машиной, которой управлял Королев. В данный момент зам. главы администрации находится в больнице, состояние его не внушает опасений.

Вот так. Значит, человек, который плакал возле машины, – не водитель, а один из хозяев города, о том, что он не пострадал, заботливо сообщили взволнованным гражданам. А что с водителем и пассажиркой «девятки»? Кто они? Это никого не волнует? Ситуация повторяется? Я набираю номер моего друга, корреспондента газеты «Горовск сегодня» Антона Ярцева.

– Антон, что ты знаешь о сегодняшней аварии? – спрашиваю в лоб.

Он сразу понимает, о чем я.

– Там что-то нечисто, Полина, информации нам не дают, к Королеву не пускают. Но ты меня знаешь, я так просто не отступаю. А что у тебя за интерес к этому делу?

– Так, любопытство. Включила телевизор, нечаянно наткнулась, – отмахиваюсь я.

Значит, Ярцеву поручено освещать в прессе это происшествие, прекрасно. Я не смогу спать спокойно, пока не узнаю, что с пострадавшими.

– Ариш, – обнимаю я деда после ужина, – расскажи, как все тогда было.

Он внимательно смотрит на меня и сразу понимает, о чем я прошу. И его не обманывает мой нарочито равнодушный и легкомысленный вид. Вероятно, несмотря на все его старания, актриса я неважная. Или он слишком проницательный. Наверное, все-таки второе.

– Что-то произошло, Полетт?

– Нет, все в порядке, просто хочу знать.

Дедушка больше ничего не спрашивает и рассказывает мне все, о чем я уже знала, даже не подозревала или догадывалась.

Город долго гудел после катастрофы. Несмотря на отсутствие информации в прессе, стало известно о ночной гонке главного прокурора с девицей легкого поведения, нашлись свидетели, которые видели несущуюся по городу со страшной скоростью и игнорирующую светофоры и знаки машину прокурора. Сначала и у следователя не было сомнения в истинном положении вещей, но как-то потихоньку картинка начинала меняться, обрастать загадочными свидетельствами, и в один момент все перевернулось с ног на голову. Из потерпевших наша семья превратилась в виновников происшествия, уже после похорон неожиданно откуда-то всплыли положительные результаты экспертизы на алкоголь папы. В городе поговаривали о фальсификации результатов, да что там поговаривали! А то я сама не знала, что папа никогда не садился за руль выпивши, к тому же в тот момент у него случилось обострение язвы и он априори не смог бы выпить ни капли.

Официально по делу нашелся только один свидетель, но выступал он на стороне прокурора – бомжеватого вида дедок заявил, что видел, как папа рванул на красный сигнал светофора. Свидетелей с нашей стороны не было. Вернее, была – я. И я могла бы свидетельствовать в

защиту памяти моих близких, но после того, как в раскрытое окно деду зашвырнули обгорелую пластмассовую куклу, он не позволил мне участвовать в дознании. Друзья отца подготовили коллективное заявление с просьбой провести повторную экспертизу, после чего под входную дверь нам подбросили полуразложившегося кота, а в почтовый ящик кинули письмо с жутким описанием того, что будет со мной, если дед согласится на эксгумацию.

И Ариша сдался. Для него и так было чудом, что он нашел меня возле той кирпичной стены. Дедушка был уверен, что я сгорела в машине вместе с папой и мамой. Родителей не вернешь, а потери внучки он не перенес бы, поэтому и не стал настаивать на продолжении следствия, уговорил друзей родителей оставить все как есть, заплатил требуемую сумму и переехал со мной в коттедж.

– Значит, основная вина все-таки лежит на водителе... Прокурор просто прикрыл его, а заодно и себя.

– Все не так просто. Когда еще дело не приобрело опасный для тебя оборот, мне все-таки удалось аккуратно выйти на ту девицу, что была с ними. Она утверждает, что за рулем был не водитель, а прокурор, сам Синдяков. Напился и захотел погонять по городу. Водитель пытался уговорить его не садиться за руль в таком состоянии, но тот, естественно, не стал его слушать.

– И эта девица так просто тебе слила эту информацию?

– Продажный человек продажен во всем. Я хорошо заплатил ей. Правда, воспользоваться этой информацией не смог, на следующий день она исчезла. Дай бог, чтобы у нее просто хватило ума уехать. Ну а потом я испугался за тебя и позволил замять дело. Они о себе больше не напоминали. Если бы...

– Если бы?

– Если бы бывший прокурор не вышел на пенсию и не купил дом в нашем коттеджном поселке. Мы живем совсем рядом, и я поневоле не могу забыть всю эту мерзость. Внучка, а может, нам уехать? Купить дом в другом месте, а этот продать? Или вообще переехать в другой город?

Ну уж нет.

* * *

– На, надевай, вторую на смену принесу потом, вместе с бейсболкой.

Алина кинула на диван черную майку с кровавой надписью на спине: «Нет – наркотикам!» Моя подруга постоянно участвовала в каких-то движениях, записывалась на курсы, стояла в пикетах, то есть являла собой полную противоположность мне с моим лучшим другом – креслом.

– Носить будешь даже на работу, можно с джинсами, дома необязательно, если гостей не ждешь.

– Алиночка, она некрасивая, – по привычке заныла я, – и на работе выглядеть несолидно будет.

– Несолидно? – взорвалась подруга. – А солидно, что от этой гадости нация вырождается? А ты хоть знаешь, какой колоссальный доход имеет наркомафия от продажи наркотиков? Сколько школьников, студентов и прочей молодежи в год садится на иглу? У них не рождаются дети, некому будет возделывать поля, трудиться на заводах. К чему мы придем? Вот у меня тут цифры есть, садись!

Алинка достала толстый блокнот и открыла первую страницу, исписанную ее безобразным почерком. Я поняла, что лекция часа на три мне обеспечена.

– Прости, я неправильно выразилась, – заспешила я, – совершенно с тобой согласна, наркобаронам нет места в нашем обществе. Только перед тем, как мы ими займемся, давай совершим небольшой шопинг. Помнишь, ты затащила меня на курсы стилистов? Так вот, я

хотела бы применить знания на практике и заняться своей внешностью. Так хочется что-нибудь поменять!

Раз избавиться от ее общества не получится, я решила использовать энергию подруги себе на пользу. Мне предстоял большой и мучительный поход по магазинам, а кто лучше Алины в городе мог знать, где можно достать все, что мне необходимо!

– Как неожиданно в тебе проснулась женщина! Хорошо, что не совсем поздно, еще есть шанс сделать тебя привлекательной. Так, сначала волосы, – наркобароны могли вздохнуть спокойно, – срочно меняем стрижку! Красимся в блондинку и стрижемся под мальчика. Нет, лучше огненные пряди на смоляном фоне и длина ниже плеч. А еще я видела у одной девицы раскраску в виде шахматной доски – отпад!

– Нет, краситься в доску и стричься под мальчика я не буду, – проявила я твердость, – давай для начала купим несколько париков и посмотрим, что мне пойдет. День похожу в одном, день – в другом. А то бывает, что решишься на что-нибудь экстремальное, а потом каешься, и сделать уже ничего невозможно. Определюсь, а потом рискну уже и на стрижку, и на покраску.

Стричься я не собиралась, а вот парики мне пригодились бы. Чтобы Алина не поняла, что я от нее что-то скрываю, пришлось выдать ей эту неуклюжую версию.

– А давай! – загорелась Алина. – И мне поносить дашь. Я знаю одно место, там парики из натуральных волос, жутко дорогие, но зато шикарные. И линзы! Давай купим тебе цветные линзы. Индиго или желтые, как у ведьмы! А еще есть кошачий глаз, вообще супер! Только сначала в бассейн запишемся. Или майку надевай!

«Шантаж – это уже слишком, – думала я, осторожно лавируя в городском потоке машин, – хотя бассейн все-таки лучше, чем майка. А почему бы нет? Мне нужна хорошая форма, а плавание прекрасно поддерживает все мышцы в тонусе. Да и покупка линз – отличная идея. У меня удачный цвет глаз, серый, могу носить любые линзы. Желтые брать не будем, а пара-тройка с натуральными оттенками, пожалуй, не помешают. Итак, сегодня покупаем камуфляж, берем абонемент в бассейн, вспоминаем уроки стилиста, перетряхиваем гардероб. Мне нужно научиться менять внешность до неузнаваемости. Слава богу, природа наделила меня неброскими и незапоминающимися чертами лица – с такой внешностью идут в модельный бизнес: что хочешь, то и нарисуешь».

– А еще он мне сказал, – перебила мои мысли Алина, оказывается, она давно и оживленно что-то рассказывала, – что моя собака с нами спать не будет! Овчаркам в постели делать нечего! А я сказала, что если с нами не будет спать собака, то будут спать дети, а они по ночам срыгивают и дуются, чего служебная собака никогда себе не позволит. А он сказал, чтобы я тогда и спала со своей овчаркой и рыгающими детьми, а он себе нормальную найдет. Ну не гад ли?

– Гад, – согласилась я из женской солидарности, – а когда ты успела служебную овчарку завести?

– И не собиралась, – фыркнула Алинка, – это я так, умозрительно. В квартире больших собак держать нельзя, им простор нужен. А давай я ее у тебя заведу? У тебя простору много, можно будет устраивать заседания клуба собаководства, в саду построить всякие препятствия и готовить собак для службы на границе, – несло мою подругу.

– Алина, у тебя есть знакомый электронщик, – перебила я полет ее фантазии, – высококлассный специалист и не очень любопытный?

Плана у меня определенного не имелось, поэтому мне и нужен был человек, умеющий обращаться с «жучками». По моему разумению, у господина бывшего прокурора скелетов должно было быть не меньше, чем шкафов, и результаты прослушки вполне могли натолкнуть меня на дельную мысль. Как попасть в дом и установить «жучки», я пока не придумала, впрочем, эта задача не казалась мне такой уж невыполнимой. Охраны в доме наверняка нет, дом на наличие прослушивающих устройств вряд ли проверяют, кому интересен прокурор в отставке!

Прикинусь инспектором из санэпидстанции или попрошу принять меня на работу горничной и пристрою «жучок» в цветочном горшке или под журнальным столиком, как это в кино делают.

Конечно, знакомый электронщик у Алины был. Шумный и эмоциональный Витя Шилов, откликающийся на ник Шило. Как и все специалисты по электронике и компьютерам, Шило громко возмущался, если на жизненном пути ему попадался человек менее гениальный, чем он. Если собеседник не мог достойно ответить на его словесную профессиональную абракадабру, он закатывал ясны очи, всплескивал по-девичьи руками и долго, пристально смотрел в глаза несчастному. Человек незакаленный тушевался и чувствовал себя полным идиотом, закаленный давал насладиться Вите своим превосходством и продолжал разговор, долго, мучительно приближаясь к цели. Результат того стоил: в отличие от лексикона Вити, изготовленные и усовершенствованные им приспособления были просты в употреблении и надежны.

Для Алины я придумала историю об интриганке-кадровичке с завода, которая действительно была таковой. Сказала, что она сочиняет обо мне небылицы и я хочу быть во всеоружии, для чего и собираюсь устроить прослушку в ее кабинете. Рассталась подруга со мной абсолютно счастливая, удовлетворенная моим нехитрым враньем.

– Ну вот, Полиночка, я вижу, что в тебе проснулась женщина. И это очень хорошо, просто замечательно! Теперь я знаю, что нам надо с тобой сделать. В бассейн мы не пойдем, там хлорка, она на кожу плохо влияет, мы пойдем на курсы гейш. Я объявление видела. Вот только покончу с наркоторговлей, и сразу – в гейши. Представляешь, как все мужики от нас попадают! И этот гад еще пожалеет.

Глаза подруги сузились, губы вытянулись в ниточку. Да, искусству самообладания гейш ей еще учиться и учиться! Я совершенно искренне чмокнула ее в щеку, села в машину и поехала домой. Мне предстояло разобрать покупки и выстроить стратегию поведения.

Глава 2

Дома у нас был гость. Гость дорогой, старый друг моих родителей, полковник ФСБ Сергей Дмитриевич Курбатов. Дядю Сережу я знала с детства, во время той трагедии вместе с семьей он находился в длительной заграникомандировке, вернулся только через два года и сразу ринулся помогать нам. Ворошить историю двухлетней давности дед ему не позволил, но отца отчасти дядя Сережа мне заменил и любые проблемы, какие возникали у нас с дедом, решал в секунды. Дедушка как раз закончил раскладывать карты.

– В первый раз вижу, чтобы вы с дедом играли. Забыли, чем это может кончиться? – пригрозила я.

– Мы же на интерес, – оскорбился Ариша и тут же отомстил: – А я в первый раз вижу, чтобы от беготни по магазинам у тебя так горели глаза. Взрослеем?

– Стареем, – не растерялась я, – скоро в салонах красоты буду своим человеком и шкафчик для аксессуаров заведу.

Мне удалось его смутить, Ариша действительно с завидной регулярностью посещал дорогой салон красоты, где ему приводили в порядок его гордость – бородку. К тому же в последнее время его неудержимо потянуло на мужские аксессуары: шейные платки и шляпы. А при взгляде на его ухоженные руки я не сомневалась, что дед регулярно делает маникюр, что он, впрочем, тщательно скрывал.

Свалив все покупки наверху, я спустилась в одну из гостиных. Эти комнаты успела оформить моя мама. В память о тесноте нашей квартиры родители запланировали на первом этаже целых три гостиных: для своих гостей, для дедушкиных и для моих. Спальни располагались на втором этаже и считались личной территорией. Идея с гостинными казалась удачной, не надо было спорить и по оформлению комнат, для себя мама и папа выбрали модный тогда стиль кантри, дедушка – роскошный рококо, я – лаконичный хайтек. Зато теперь каждого гостя можно было принимать в наиболее желанной для него обстановке.

Ариша и дядя Сережа пребывали явно в прекрасном настроении, чему немало способствовал армянский коньяк из коллекции дедушки. Не раздумывая долго, я взяла быка за рога.

– Дядя Сережа, а что вы знаете о семье Синдякова Владимира Михайловича, бывшего главного прокурора города?

Благодушие с этой парочки как ветром сдуло. Они напряженно посмотрели друг другу в глаза. Я их люблю и не хочу тревожить, но кто мне может помочь, кроме них? Я читаю их молчаливый диалог:

– Зачем ей?

– Надо.

– Рассказать?

– Пожалуй. Все равно не отцепится.

– А чего рассказывать? – произносит дядя Сережа. – Все, как у всех. Дом, молодая красивая жена взамен старой и преданной, старший сын умный, младший – дурак.

– А подробнее?

– Жена действительно юная и симпатичная, твоего возраста. Чего хмыкаешь? Двадцать восемь лет – это юность. В моем возрасте поймешь. Вроде не глупая, высшее образование, но живет затворницей. Бассейн – салон – дом. Все развлечения. Старший сын, Вадим, очень толковый бизнесмен, разведен, занимается жилищным строительством, владеет «Седьмым небом», бизнес считается семейным, но пашет один Вадим. Младший, Антон, лоботряс и позор семьи: секс, наркотики, рок-н-ролл. Все как у всех.

– Это все?

– Ну, еще мелочи кое-какие. Да что за странное любопытство?

– А что, уже и спросить нельзя? – скривила я недовольную рожицу.

– Полетт, не паясничай, – одернул меня Ариша.

– А давайте-ка я вас лучше ужином покормлю, – перевела я стрелки, – сидите здесь, никуда не уходите, я на кухню.

Сбежала, конечно, позорно, но никакой гениальной отмазки в голову не пришло. К тому же всегда, когда я теряюсь, начинаю нести чушь. Срабатывает своеобразная внутренняя защита. Больше к этому разговору мы не возвращались, только уже поздно ночью, проводив гостя, Ариша спросил:

– Ты уверена, что справишься?

– Не совсем. Но остановиться я уже не могу.

– Что именно ты собираешься делать?

– Я его уничтожу. Как он уничтожил моих родителей.

– Уничтожишь физически? Устроишь самосуд? Яд, оружие, несчастный случай?

– Не так просто. Пусть он сначала узнает, какая пустота наступает при потере самых близких.

– Жестоко. Смело. Ну, что же, я ждал, когда ты созреешь до этого. И останавливать тебя не буду. Взамен – просьба: по возможности держи меня в курсе дела. Я не так стар и глуп, как может показаться. И во многом смогу помочь тебе. Ты же знаешь мои связи.

– Спасибо, дедуль, я тебе обещаю.

Я действительно была благодарна ему. И не только за предложенную помощь, хотя и она могла оказаться бесценной. Ариша был непревзойденным карточным игроком и светским львом нашего городка, знающим все и вся и имеющим влияние в обществе. Для меня важнее было другое: дед не только не отговаривал меня от затеянного рискованного шага, но и с детства готовил меня к нему. Лишь теперь я начинаю понимать, зачем он буквально истязал меня логическими играми, тренировал память, учил добиваться своего не только напрямую, но и с помощью тонких ходов и обходных путей.

* * *

Из зеркала на меня смотрела совершенно незнакомая мне девица. Абсолютно черные прямые пряди, нарочито густо подведенные глаза, черная помада, бледная, без полутонов, кожа. Неплохо. Ногти короткие, но и на таких черный лак смотрится эффектно. Нарастивать ради одного образа не будем, вдруг в следующий раз мне придется изображать старушку-бомжиху. Теперь линзы. Очень красиво смотрелись бы синие. Но мы не красоты добиваемся. Поэтому либо самые темные, почти черные, либо светлые, как у альбиноса. Нет, бесцветные – это уже карнавал какой-то. А я не собираюсь прикидываться матерым готом, истинные неформалы меня сразу вычислят, я просто хочу вызвать к себе интерес и максимально изменить внешность. К тому же у готов, насколько мне известно, свой наркотик – кладбища и гробы. Поэтому наркоманка-гот – это уже перебор. А я хочу показаться своей среди наркоманов. Поэтому все-таки черные, они создадут эффект расширенных зрачков. Пригодилась черная кожаная мини-юбка, которую практически насильно вынудила меня купить как-то Алина. До сего дня я не рисковала ее носить, но эта жуткая девица в зеркале – не я.

Страшно не было. Было жутко весело. Даже чересчур весело. Так весело бывает при истерике. Может, валерьянки выпить? Надо показаться Арише, пусть вынесет свой вердикт. Я тихонько выскользнула из спальни, сунула за щеку жевательную резинку и резко распахнула дверь в комнату деда. С детства запомнила правило, которое преподал мне он же: если хочешь внезапно напугать человека, лучше молчать. Любой выкрик, фраза, рычание только выдают в тебе существо приземленное, тишина же – привилегия жителей царства мистики и непознанного. Поэтому я молча застыла в дверях, свирепо расправляясь с жевательной резинкой.

– Э-э-э... – растерялся мой бедный дедушка. Карты для пасьянса выпали у него из рук, и он начал суетливо собирать их, не отрывая от меня взгляда. – Вам кого?

– Нормальный человек потянулся бы к телефону, милицию вызывать, – приснула я, – а ты чуть кофе не предложил. Дед, ну разве можно так доверять людям?

– Зря я не порол тебя в детстве, – с облегчением выдохнул дедушка. – Нет, но какова! Если бы не голос, никогда бы не поверил, что это ты! Умница, не зря я в тебя всегда верил.

Итак, если меня не узнал человек, воспитывающий меня с детства, значит, не узнает никто. Я рассказала ему о своих планах, назначила контрольное время, по истечении которого ему разрешалось поднимать тревогу, и спустилась в гараж. Жаль, что мне придется оставить машину в квартале от клуба, своей черной мастью она идеально дополнила бы мой облик!

Начать я решила с Антона, самого непутевого и уязвимого представителя этого семейства, а где искать молодого лоботряса в нашем городе? Как патриотка и порядочная девушка, я прекрасно знала, какие места не следует посещать. Ночной клуб «Пароход» имел весьма дурную славу, почтенные мамы пугали им своих дочек, дочери страстно мечтали хоть на миг окунуться в пучину порока и разврата. У Ариши хватало ума не читать мне мораль и не перечислять злчные места, где мне не следовало появляться. Поэтому как-то раз Алине удалось затащить меня в «Пароход». Мы удовлетворили свое любопытство, насквозь провоняли запахом «травки», заработали по паре щипков за попку и удачно спаслись бегством, отправив особо назойливых кавалеров за коктейлями. Осознав, что быть порочными девицами в рамках небольшого города невыносимо скучно, мы больше не предпринимали попыток проникнуть в гнездо разврата.

Сейчас скромный опыт посещения злчных мест оказался мне на руку, гораздо увереннее чувствуешь себя в том месте, где ты уже бывала ранее. Я заплатила за входной билет и напрямик направилась к барной стойке, находящейся на возвышении. И мир посмотрю, и себя покажу. Нога на ногу, пустой взгляд, резинка за щекой. Скоро пригодилось и знание классики: с помощью лексикона Эллочка-людоедки я легко расправилась с первыми кавалерами, на ходу делая открытие: мужчины определенного сорта уважают хамство и грубость. А вот это то, что мне нужно. Сначала я почувствовала резкий запах марихуаны, потом увидела его носителя – небрежно одетого юнца с давно не мытыми волосами, собранными в хвостик.

– Откуда такая птица в нашем курятнике? – закинул он удочку.

– Отвали, без тебя хреново, – не сразу сдалась я.

– Помочь? – заинтересовался юнец. – На травке сидишь?

– Ща! Я что, корова, – вяло возмутилась я, – или в вашей дыре только сеном кормят? Кока есть?

– Пошли, – цепко схватил он меня за руку.

Макс, так звали моего нового знакомого, протащил меня через толпу двигающихся людей в затемненный угол, где на большом жестком угловом диване сидела тесная разнополая группа. Даже если на меня и обратили внимание, то особого восторга явно не проявили. Кажется, я немного перестаралась, группка местных наркоманов выглядела вовсе не эпатажно.

Как хорошо, что моя Алинка – личность увлекающаяся и деспотичная! Она все-таки заставила меня выслушать лекцию о вреде наркомании, а так как я заинтересовалась этим вопросом, то и ответила на мои вопросы и даже провела практическое занятие по употреблению кокаина, используя вместо порошка простой крахмал. В порыве любознательности я уговорила ее помочь мне правильно оформить дозу, якобы для того, чтобы наш практикум выглядел более реалистично. Мы убедились, что это противно, и поклялись никогда не пробовать эту гадость. Я тут же нарушила клятву, прихватив с собой в клуб свежеизготовленный пакетик с крахмалом. За мной, конечно, наблюдали, но в полутьме мне легко удалось поменять пакетики. С видом знатока я попробовала порошок, удовлетворенно кивнула и втянула крахмал сначала одной ноздрей, потом другой.

Так, теперь надо откинуться на спинку дивана и закрыть глаза. Как там говорила Алина, когда должно начаться действие наркотика? Выждав необходимое время, я открыла глаза.

– Поперло? – ухмыльнулся Макс.

Я не сочла необходимым ему ответить и обвела взглядом сидящих рядом. Так, кто из них Антон и здесь ли он вообще? Интересно, в подобных компаниях принято представляться самой или нужно ждать, когда тебя об этом попросят? Ну уж нет, пусть играют по моим правилам, даже если это идет вразрез с правилами завсегдаев клуба.

– Элла, – коротко представилась я, памятуя о своем прообразе, Эллочке-людоедке.

– Спайс, – немного помедлив, ответил сидящий со мной рядом тип.

Не назвали себя лишь две девицы – понятно, конкуренция. Антон представился как Тони – манерничает, как и другие. Явно заинтересован. Долой девичью скромность, выпестованную во мне дедом! Я перешагнула через ноги Спайса, добралась до Тони и втиснулась между ним и девицей. Девица зашипела, как плевков на сковородке, и мы немного подискутировали, употребляя короткие бранные выражения и наречия. Судя по удовлетворенной физиономии девицы, я справилась неплохо.

Тони, совершенно верно решив, что весь сыр-бор разгорелся из-за него, по-хозяйски положил мне руку на бедро. Я с удовольствием и размахом вколола в эту руку пластмассовую шпажку из вазочки с мороженым, стоящей перед несчастной моей соседкой. Вколола весьма убедительно: еще немного, и я вполне могла бы пригвоздить его ладонь к своему бедру в лучших традициях кровавых боевиков. Тони взвыл, отшвырнул шпажку и завопил:

– Ты что, рехнулась? Больно же! Смотри, кровь! Ненормальная.

Я, не отрывая от него взгляда, медленно подняла шпажку, положила ее в вазочку с недоеденным мороженым, потом протянула свою ладонь:

– Дай руку.

– Да пошла ты! – перестал вопить Тони.

– Дай руку, – не меняя интонации, повторила я.

Видок, наверное, у меня был еще тот. Линзы создавали почти полный эффект слияния радужки со зрачком, бледная кожа в ультрафиолете освещения казалась голубой и прозрачной. Тони, как загипнотизированный, протянул ладонь. Я медленно поднесла ее к губам и лизнула. Лизнула рядом с выступившей капелькой крови, что в полутьме было незаметно. Потом окрасила свой палец его кровью и провела им по своей шее – от ямочки на горле до ложбинки на груди. Все это время я не переставая гипнотизировала парня. Затем притянула его к себе и по-хозяйски поцеловала в губы. После чего грубо толкнула на диван, быстро вышла из клуба, пробежала квартал, нашла свой «Мини Купер» и с колотящимся сердцем шлепнулась на сиденье. Впрочем, зря бежала. Меня и не думали догонять. Думаю, даже этих выдавших виды лоботрясов я повергла в состояние легкого шока. Если бы сейчас меня видел дедушка, то сказал бы, что во мне выиграла бабушкина кровь – даже мой весьма бойкий дед уступал этой рано ушедшей из жизни особе в способности эпатировать окружающих.

Ну что, кровь есть кровь, не зря же я «проспала» четырнадцать лет перед камином. Силы накоплены, теорию выживания, которую дед преподал мне, я усвоила на «отлично», начинаем жить на практике. Сегодня первый экзамен. Если Тони «зацепило», продолжаем в том же духе, если нет – не отчаиваемся, ищем другой путь. Ровно через три дня появлюсь в «Пароходе». Если я сделала все верно, Тони будет меня ждать. А пока попробую узнать побольше о бизнесе Вадима, старшего сына моего врага.

И все-таки неужели это была я?

* * *

Информацию о семейном «Седьмом небе» Синдяковых мне предоставил Саша Соколов, с которым меня практически с пеленок связывала настоящая братская дружба. А как же иначе, если судьба свела нас в детском саду, настойчиво усадила за одну парту в школе и завершила свое дело в институте? Дальше возиться с нами ей не было смысла: мы настолько привыкли друг к другу, что часто забывали, что нас не связывают родственные узы. Наверное, мы были бы хорошей семейной парой, если бы не фантастическая любвеобильность Сашки. О его похождений я знала все, поэтому не имела никакого желания переходить на новый уровень отношений. Соколов уважал меня и дорожил нашей дружбой, поэтому попытку затащить меня в постель предпринял всего один раз. После чего поклялся «ни-ког-да не видеть во мне женщину».

Оказалось, что Вадим Синдяков, старший сын прокурора, когда-то выиграл тендер на застройку старого центра города. Участок хлопотный, но весьма прибыльный. Теперь он потихонечку выселял стариков из их ветхого жилья и возводил на месте частных домишек многоэтажки. О деятельности Вадима ходили весьма неприятные слухи. Поговаривали, что старики неохотно меняли свои привычные халупки на квартиры в хрущевках на окраине города, поэтому выживали их часто жестокими методами. В местной газете даже мелькнула как-то статейка о странной закономерности: перед закладкой фундамента нового дома в районе его предполагаемого строительства обязательно случался пожар. Жертв, слава богу, не было, но для жителя дом был уже непригоден и шел под снос. Соседи съезжали уже безропотно, следуя логике: дом пропадает, но хоть вещи в сохранности будут. Впрочем, крупного и успешного бизнесмена всегда сопровождают нелицеприятные слухи, поэтому все это еще надо было доказать.

Назывался семейный бизнес Синдяковых «СНГ», что расшифровывалось как «Седьмое небо Горовска». Обычно называли его красиво «Седьмое небо», упуская провинциальное «Горовска». Владельцами считались два дольщика: Вадим Синдяков и Марина Уханова, новая супруга старшего Синдякова. Почему прокурор оформил свою долю на жену, можно было понять, так же как и факт сохранения ею девичьей фамилии. В последнее время с неприкосновенности сильных мира сего сняли табу, и несоразмерными доходами многих «бывших» заинтересовались соответствующие службы. А так Владимир Синдяков вроде бы и ни при чем. У супруги другая фамилия, в дело она вошла еще до регистрации брака, а сын за отца не ответчик. Кстати, коттедж по документам тоже принадлежал Марине. По сути, все понимают, что к чему, по документам – не придерешься. Живет себе скромный пенсионер нахлебником в доме обеспеченной молодой супруги, укропчик сажает. Ну владеет скромной квартирой в городе, заслужил!

То, что основная доля имущества семьи Синдяковых принадлежала Марине, меня заинтриговало. Что же это за дама такая? Слишком расчетливая или цветочек алоэ в юбке? Крутят ею или крутит она? С согласия сыновей отец оформил на нее дом и свою долю в бизнесе или вопреки их мнению?

Короче, мне надо было увидеть эту непонятную Марину. Немного поразмыслив, я уселась в машину и направилась к выезду из поселка. Нашу коммуны охраняли обычно два охранника. Въезд преграждал полосатый шлагбаум, один из ребят сидел в будке, другой проверял пропуск. Машины постоянных жителей поселка ребята знали «в лицо», пропускали без предъявления мандата. Мне они нравились. Спокойно и уверенно делают свою работу, никогда не хамят, но и не заискивают, при мне как-то осадил зарвавшегося гостя – молодой, но уже обрюзгший до безобразия тип на джипе пытался проехать в поселок без предварительного уведомления хозяев. В ответ на просьбу позвонить хозяину, чтобы тот подтвердил свое при-

глашение, тип разразился отборной бранью и пытался взять шлагбаум штурмом. Охранники вынуждены были вытащить эту тушу из джипа и угомонить дебошира.

В тот раз я свидетельствовала против хулигана и подтвердила профессионализм ребят, чем спасла их от несправедливого нагоняя и увольнения. С тех пор они всегда приветливо улыбаются мне, да и я рада видеть их веселые физиономии, мы любим людей, которым делаем добро. Не доезжая до шлагбаума, я завернула к входу в будку охранников.

– Ребята, выручайте, жидкость для стекол забыла залить, а домой возвращаться лень. Налъете водички?

– Не вопрос!

Один из охранников открыл капот «Миникупера». На мое робкое «Я сама» отмахнулся – нечего руки пачкать.

– Хорошая машинка, – похвалил он, закончив.

– «Машинка»? – надулась я. – Зверь машина, при умелом управлении любого на дороге «сделает».

– Да я не спору, – сказал он, – просто вид у нее дамский, мужчине такую иметь несолидно.

С этим я согласилась. Внутренне. А вслух заспорила с ребятами: мне надо было вывести их на примеры и узнать, на каких машинах ездят состоятельные дамы нашего поселка. Это было несложно. Мы обсудили достоинства и недостатки авто двух-трех моих соседок, и, чтобы не затягивать разговор, я подкинула им наживку:

– А супруга прокурора? У нее же чисто мужской автомобиль: и тяжелый, и в управлении сложный. Зачем ей только такой? Все равно выезжает только в супермаркет за покупками.

– Это у нее-то мужской? – загорелся охранник. – Да ни один серьезный мужик не сядет за руль такого кузнечика! А выезжает она действительно редко, только в бассейн по графику, а так – больше дома сидит. Похоже, не больно-то ее одну выпускают.

– Бедняга, – посочувствовала я, – вот и выходи замуж. В бассейн-то часто выезжает?

Охранник сообщил мне дни недели и время регулярного выезда мадам прокурорши из поселка, после чего я быстро свернула разговор. Мне, конечно, многое еще хотелось узнать у компетентного в этом вопросе парня, но чересчур навязчивые вопросы могли насторожить его, поэтому я поболтала с ними о малозначительных вещах и уехала. То, что нужно, я узнала.

В городе я переоформила на нужные мне дни недели абонемент в бассейн – хорошо, что Марина предпочитала вечернее время, – и решила кое-какие бытовые вопросы. Выходные заканчивались, а в будни мне нужны были свободные вечера. Не брать же отпуск на работе за свой счет с формулировкой «Причина – отмщение за убийство».

Глава 3

Рабочий день тянулся невыносимо долго. И как это я раньше терпела эту серость? И ведь действительно вместе со всеми перемывала косточки начальнице отдела кадров Аронкиной, сопереживала нескончаемым любовным трагедиям кассирши Гулькиной, обсуждала последнюю корпоративную вечеринку.

Сегодня мне удалось дозвониться до Ярцева и узнать новые подробности об автокатастрофе с участием Королева: как я и думала, виновником аварии считали водителя «девятки». Свидетелей, которые могли дать показания в его пользу, не нашлось, сам он, как и его спутница, находились в крайне тяжелом состоянии и не могли защитить себя. А как же водители, которые обсуждали аварийную ситуацию при мне? Один из них четко сказал, что на встречную вылетела машина Королева!

Я закрыла глаза и постаралась восстановить зрительную картинку. Дед с детства учил запоминать окружающие меня детали: требовал точного перечисления предметов, находящихся в незнакомом месте, или цифр, показанных мне на мгновение. Поэтому в привычку у меня вошло фиксирование и номеров машин, обративших на себя хоть какое-то внимание. Водитель, который стал свидетелем аварии, был на бежевой «шестерке», регион наш, буквенные обозначения номера всплыли в памяти сразу, цифры тоже скоро встали на свои места. Спасибо, Ариша! Я тут же перезвонила Ярцеву и слила ему информацию. Пусть копает, мой друг – человек неподкупный и по-хорошему упертый, если он хочет докопаться до истины – докопается, чего бы это ему ни стоило. А теперь можно заняться и своими делами.

Аккуратно расправив на плечиках серый рабочий костюм, я достала клубную экипировку. Пожалуй, тоски и мрака я нагнала в прошлый раз, сегодня стоит немного оживить прикид ремнем «под зебру». А то к мрачной леди, которой я предстала тогда, Тони может и не рискнуть подступить. Уже перед выходом я не удержалась и мазнула алым лаком для ногтей кончики клыков. Интересно, заинтригует это парня или испугает? И то и другое было мне на руку.

Мой эпатаж, устроенный пару дней назад, кажется, не остался незамеченным. Несколько любопытных взглядов я поймала. Хорошо. Какая бы ни была моя слава, она есть, и наличие оной мне на руку. А вот Тони момент моего появления в «Пароходе» пропустил. Мне удалось подкрасться к нему незамеченной. Я положила руку на его голову. Волосы парня были мягкие, как у ребенка, я не удержалась от желания пропустить их между пальцами. Юноша вяло повернулся. Кажется, он уже успел принять:

– Элла?

– Чего хрипишь? Простудился? – плюхнулась я рядом, игнорируя окружающих. Незнакомая мне девица быстро отодвинула свой коктейль.

– Испугалась? Не трону, – хмыкнула я.

Девица, кажется, не поверила. И благоразумно пересела подальше. Я тоже заказала коктейль. Если в прошлый раз мое появление в их уголке практически не нарушило обычного течения вечера, то сейчас компания испытывала явное замешательство. Чтобы не разочаровать их, я устроила небольшую потасовку с официантом из-за коктейля. Даже не утруждая себя дегустацией напитка, я потребовала заменить ананасовый сок на грейпфрутовый и кубики льда на шарики. В результате коктейль оказался на полу, а официант удалился взбешенный. Весьма справедливо опасаясь своего изгнания из «Парохода», я взялась за Тони:

– Дерьмо. Коктейль – дерьмо. Кока – дрянь. Клуб – отстой. В этом вшивом городишке есть что-нибудь попрличнее?

– Попрличнее – дороже, – хмыкнул Макс, – это только для мажоров.

– А ты вообще уройся, – цыкнула я, – пойдем.

Я схватила Тони за руку и потянула к выходу из клуба. Он безропотно двинулся следом. Кажется, ему нравилась моя властность, значит, я верно нашла ключик к нему. Использовать его будет легко. На улице остановились.

– Что смотришь? – раздраженно заявила я. – Веди меня!

– Куда? – тарачил наивные круглые глазки Тони.

– Туда, где можно достойно словить кайф.

– Да дозу и тут можно достать, – неуверенно протянул он, – а все остальное дешевле. В других местах и публика серьезнее, и пойло дороже.

– Дороже, – хмыкнула я, – а мне показалось, что для тебя это не проблема. Я же вижу, что ты не из их круга. Или проблема? Тогда сегодня плачу я.

Кажется, уколола я его больно. Он начал плести что-то про забытые дома деньги, потом заявил, что деньги он не забыл, а потерял, после добавил, что завтра достанет любую сумму. Факт налицо: старший братец не очень-то щедр в отношении младшего, что, в общем-то, понятно. И что мне очень на руку.

– погоди, Тони, – перебила я его лепет, – я что, ошиблась? Я же вижу, что твои джинсы и кеды стоят порядочно, это что, попытка мальчика из семьи люмпенов пустить пыль в глаза? Сколько лет ты себе в мороженом отказывал, чтобы эту майку купить?

– Да я могу весь этот клуб купить, если захочу, – взорвался наконец он, – просто деньги все у Вадьки, а он думает, мне бабки только на дозу нужны, вот и жметя. Шмотье покупает, а так – не допросишься. А у самого в сейфе... – Тони махнул рукой и не удержался от чисто детского хвастовства: – Да он столько заколачивает, что весь этот городишко купить можно с потрохами.

– Весь городишко? – не очень удивилась я. – А ты? Ты заколачиваешь?

– Конечно, заколачиваю, – неуверенно соврал он, – просто Вадька любит все сам контролировать.

– Значит, не заколачиваешь, – констатировала я, – значит, ты у нас мальчик-нахлебник, «дяденька, дай на газировку». Забавно. И что, брат ни разу не предложил тебе поучаствовать в бизнесе? Ворочает миллионами, а тебе на карамельки раз в неделю отстегивает? Или ты отработываешь? В булочную бегаешь, мусор выносишь. А что, прикольно, кто на что способен, тот то и делает. И имеет соответственно. То-то я смотрю, так легко тебя из клуба увела, будь ты стоящим, обязательно какая-нибудь девица бы вцепилась. А у брата и папаши, наверное, девки – первый сорт. Брат-то у тебя симпатичный?

Тони резко развернулся, глаза его горели бешенством.

– Да чего ты прицепилась-то? – заорал он. – Брат, девки, бабки. Не нравлюсь – вали, откуда пришла. Достали все.

Ого! Щенок умеет не только вилять хвостиком и хвастать несуществующей костью! Бедный, бедный мальчик. Я протянула руку к его голове, он шлепнул по руке. Больно. У Джека Лондона читала, что если щенок огрызается, надо все равно настоять на своем. Лаской ли, кнутом, но чтобы он позволил тебе то, что ты от него хочешь. Я протянула руку во второй раз, уверенно и твердо глядя ему в глаза. Он втянул голову в плечи, сверкнул на меня глазами, но брыкаться не стал. Я погладила его по голове, обвила руками за шею.

– А мне ты нравишься. Ты, и больше – никто. Только я женщина дорогая. И ты обязан мне соответствовать. Я помогу тебе, и тогда все сдохнут от зависти, все, включая твоего братца и папашу. Они еще на коленях приползут...

Куда приползут, зачем? Звучит эффектно, но непонятно и театрално. Впрочем, Тони сейчас было не до логики. Он лихо включился в разыгранный мной спектакль и, послушный воле режиссера, четко заиграл свою роль. Как и я свою. И, как ни странно, моя роль захватила меня не меньше, чем Тони. Будто режиссером этого действия была не я. Будто я тоже была лишь марионеткой в руках того, кто стоял выше нас.

* * *

Сегодня Алина примчалась ко мне на работу. Устроила целую заваруху на проходной, бедная вахтерша тетя Валя! Пришлось попросить, чтобы ее пропустили.

– Алина, ты до вечера подождать не могла?

– Какой вечер? Вечером ты выжатая как лимон и такая же кислая, а мне нужен сильный напарник. Смелый духом и полный сил. Ты почему не в майке? Я же велела носить ее на работу! Черт, бейсболку я тебе так и не принесла. Ладно, завтра принесу, в комплекте они эффективнее смотрятся. Майка черная с красной надписью: «Нет – наркотикам», а бейсболка – все наоборот.

– «Наоборот» – это с надписью «Наркотикам – да»? – невинно поинтересовалась я.

– Нет, красная с черной надписью, – строго ответила подруга, – и я вообще не понимаю, как можно остричь, когда...

– ...нация вырождается, а наркомафия спокойно себе пьет кофе под пальмами, – продолжила я за нее. – Кофе будешь?

– Растворимый? – поморщилась подруга. – Давай. А что у вас, нормальной кофемашины нет? Я эспрессо люблю. Ладно, давай что есть. С шоколадным ликером и в маленькой чашечке. Я беспомощно развела руками.

– И ликера нет? Чем ты вообще здесь занимаешься? Да и кабинет у тебя... Что это за стена напротив? И ты спокойно сидишь на работе, когда перед глазами у тебя пустая кирпичная стена? Так же рехнуться можно!

– Я не сижу, – попыталась возразить я, – я работаю.

– Вижу, как ты работаешь. Так, завтра покупаешь кофеварку или, на худой конец, приносишь джезву и электрическую плитку. А почему ты приносишь? – тут же возмутилась она своему предложению. – Это директор должен заботиться о своих сотрудниках. Как его фамилия? Кабинет в этом же здании? Да, стена! Завтра я приведу художника граффити, надо будет расписать стену. Сколько в ней квадратных метров? Где калькулятор? Тебе больше нравится черный рисунок на красном фоне или красный на черном? Дай листок! Вот смотри, надпись мы сделаем внизу, а всю площадь будут занимать полные предсмертного ужаса глаза молодого наркомана с кровавыми слезами. О! В один глаз можно шприц воткнуть. Чтобы знали, как эту гадость употреблять! Чтобы на всю жизнь неповадно было! Так, квадратные метры умножаем на баллончики... или делим? Нет, умножаем. А деньги на краску у директора взять или в бухгалтерию идти? Не беспокойся, работа – бесплатно. В рамках благотворительности. Да чего ты напряглась-то?

Мягко сказано! Ну как объяснить моей предприимчивой подруге, что я не хочу ежедневно и постоянно глядеть в полные предсмертного ужаса глаза молодого наркомана? На черной с красным стене? А может, послать ее в бухгалтерию?

– Я не напряглась, Алиночка, – ласково ответила я, – я полностью с тобой согласна! И директор будет в восторге от того, что не надо оплачивать работу художника. Иди сразу в бухгалтерию. Только не говори, что ты со мной знакома, а то подумают, что мы тут с тобой коррупцию развели, чтобы мне вид из окна усовершенствовать. И потом сразу беги с завода, а то проследят, как ты ко мне пойдешь, догадаются.

– А как же вахтерша? – купилась Алина.

– Я с ней договорюсь. Шоколадку дам, – пообещала я.

– Так, где у вас бухгалтерия и как зовут главного бухгалтера?

– А ты зачем приходила-то? – напомнила я ей после того, как подробно объяснила местонахождение бухгалтерии.

– Предупредить, чтобы ты начинала есть беляши и хлеб с салом. У меня и так живот выпирает и спина жирная, а тут еще ты будешь вся такая хрупкая и томная. Просто свинство со стороны подружки невесты.

– Ты замуж собралась?

– Конечно! Жених – крупный бизнесмен, весь такой вежливый и элегантный, из приличной семьи. Живет, кстати, в вашем коттеджном поселке, так что будем соседками. Он даже согласился на овчарку, при условии, что спать она будет в конуре. И правда, кто придумал пускать собак в постель? Шерсть, запах, инфекция, паразиты.

– И когда свадьба?

– Еще не знаю. Я только сегодня решила выйти за него замуж, теперь надо аккуратно намекнуть, что я согласна. А то он из застенчивости никак не решится сделать мне предложение. Я тебя позже с ним познакомлю, когда пойму, что он очарован мной настолько, что всех остальных женщин воспринимает лишь как неодушевленный движущийся объект. Все, нас ждут более серьезные дела, – одернула черную с красной надписью «Нет – наркотикам» маечку моя лучшая подруга.

После того как она убежала на штурм бухгалтерии, я любовно посмотрела на серую кирпичную стену. И как я раньше не замечала всей философской красоты простого и лаконичного рисунка укладки кирпича? Сегодня даже моя не слишком интересная работа казалась яркой и нужной обществу, а кабинет вполне милым и уютным. И мне совсем не было стыдно за то, что я спланировала Алину в бухгалтерию. Конечно, моя подруга и главный бухгалтер не придут к консенсусу, но сколько получают удовольствия от общения друг с другом! Сколько адреналина выплеснут в мировое пространство!

* * *

Данных своих я Тони не оставила. Примитивно слизала этот приемчик у интриганки Золушки, которая чуть не довела этим принца до отказа от престола. Сказала, что встречаться будем в «Пароходе». И только тогда, когда я захочу. Пусть пару дней проварит в мозгу кашу, которую я там заваривала. А я пока займусь другим делом. Другое дело – Марина. Чем мне может помочь Марина? Я уже вычислила ее среди посетительниц бассейна – вполне симпатичная, даже красивая. В хорошей форме. Не похожа на тупую содержанку. Высокомерна. Ни с кем не общается. Я сама наблюдала, как в раздевалке ее безуспешно пыталась спровоцировать на разговор одна из девушек. Ну что же? Если задача трудновыполнима, она как минимум интересна.

* * *

– Ариша, мне нужна отмычка, – заявила я за ужином, – универсальная, но достаточно простая. Чтобы бельевой шкафчик открыть.

Лицо деда вытянулось, он с шумом вдохнул в себя воздух и закашлялся. Я бросилась колотить его по спине. Ариша откашлялся и с укоризной посмотрел на меня:

– Ты решила ступить на скользкую дорожку, Полетт? Ограбить кастеляншу детского сада? Или рабочих в раздевалке?

– Нет, всего лишь спортсменов. На ограбление малышей даже я не способна. К тому же их штанишки на меня не полезут, а риск получить шваброй от нянечки велик.

– А если серьезно?

– Хочу прощупать жену Синдякова-старшего. А для этого нужно проникнуть в ее шкафчик в раздевалке бассейна.

– Что ты задумала?

– Запру ее в шкафчике, а сама явлюсь к ним в дом в ее образе и потравлю всех непрожаренными котлетами. А если честно, есть одна задумка. Но я тебе ее не скажу, ругаться будешь.

– Знаю, что пытаться тебя не имеет смысла. Хорошо, дорогая, только обещай не подвергать себя серьезному риску. И при малейшей опасности звони мне. Ты же знаешь мои связи, в том числе и в преступном мире.

– Очень хорошо знаю, дедулечка. Поэтому и обращаюсь за помощью именно к тебе, а не в заводской профсоюз.

– Только поэтому?

– И потому, что доверяю тебе больше, чем самой себе. И потому что люблю тебя.

Уже на следующий день я «наводила шмон» в сумочке Марины. В первую очередь я исследовала ее сотовый. Ого! А ты активно с кем-то общаешься, дорогая! В журнале звонков и входящие, и исходящие с неизвестного номера по количеству перекрывали звонки законного супруга. Несколько женских имен, парикмахерша, маникюрша... опять этот номер. Номер запоминающийся, хозяин его явно не лишен пижонства. Сплошные единицы и пятерки. Папка с sms была пуста, что тоже наводило на определенные мысли. Может, ты очень любишь порядок, может, только что почистила переполненную папку, а может, пытаешься что-то скрыть. Так, голубушка. Если последнее верно, то в конце концов я тебя поймаю. Не можешь же ты быть настолько осторожна, что удаляешь сообщения сразу после их получения.

За дверью слышались легкие шаги, я едва успела прикрыть дверцу шкафчика и отпрыгнуть. В раздевалку заглянула инструкторша:

– Полина, с вами все в порядке? Нельзя надолго прерывать занятие, мышцы остывают и с трудом включаются в тренировку. Это может привести к чрезмерной нагрузке на сердце, а вы знаете, что такое сердечный приступ на воде? Это же удвоенная опасность!

Из любопытства я решила попробовать занятия аквааэробикой, простое наматывание кругов по бассейну мне показалось скучным.

– Могу я отлучиться по малой нужде? – строго ответила я. – Или у вас разрешено делать это в бассейн?

Положение, конечно, дурацкое. Туалеты находятся за раздевалкой, ясно, что я уже возвращалась, оставаться в раздевалке у меня не было причины, оставлять же шкафчик Марины незапертым было нельзя.

– И вообще, продолжайте занятие без меня, – нашлась наконец я, – у меня небольшие женские неприятности. Только что определила.

Ну и что, если ничего умнее не пришло в голову? Зато сработало безотказно. Фух, в следующий раз надо быть осторожнее. Еще не хватало быть пойманной с чужой сумочкой у чужого шкафчика. А поджилки-то трясутся. И руки.

И как угораздило меня так неосмотрительно записаться в группу! Интереснее мне в ней, видите ли! Будто я сюда развлекаться пришла. Плавала бы себе туда-сюда, никто не обращал бы на меня внимания. А в группе просто так не исчезнешь. Не будешь же каждый раз в туалет отпрашиваться. Да, интриганка из меня так себе. Ну ничего, выкрутимся.

Зато сегодня у меня образовался свободный вечер. С Тони встречаться рано, занятия в бассейне пришлось прервать. Есть время систематизировать добытые факты и решить, что с ними делать. Я притормозила у супермаркета, прислуги у нас нет, поэтому хозяйство, как водится, на мне. Купила на неделю своих любимых полуфабрикатов – понимаю, что отраву, но никак не могу заставить себя готовить нормальную пищу. Застряла в фруктовом отделе, остановилась у сыров. Вот без сыра жить точно не могу. Решила себя побаловать, взяла свой любимый камамбер.

– Не берите, девушка. Просроченный.

Я не люблю, когда мне в магазинах дают советы. Даже если они правильные и даются прекрасно поставленным мужским голосом. А настрой после небольшого инцидента в раздевалке бассейна был стервозный.

– То, что он с плесенью, не говорит о его испорченности, – парировала я, – а вот навязывают окружающим полезные советы только законченные зануды.

Законченным занудой оказался мужчина примерно моего возраста. Невысокий, крепкий, но без вульгарной накачанности и брюшка. Густые, жесткие волосы находились в полном беспорядке, хотя руку высококлассного парикмахера было видно за версту. Широкое лицо, упрямый рот, глаза. Глаза как глаза, смотрят внимательно и чуть насмешливо. Всю мою задиристость как рукой сняло.

– Наверное, вы правы, – улыбнулся незнакомец, – самому смешно бывает, когда люди придирчиво рассматривают дату годности на упаковке. Просто подумал, что, если вы отравитесь, одной красивой девушкой на свете будет меньше.

Опять не попал. Я прекрасно знаю, что ослепительной красавицей не являюсь, и подобные простецкие комплименты мгновенно гасят мой интерес к собеседнику. Видимо, незнакомец заметил, как потух блеск в моих глазах.

– Берите свой камамбер, – вздохнул он, – вы победили. Просто это была последняя упаковка, а вы утащили его у меня из-под носа.

Это заявление было столь неожиданно, что я прыснула и уже более благосклонно взглянула на собеседника. Он скорчил умильную физиономию и бросил такой страстный взгляд на сыр в моей тележке, что я окончательно простила ему и напускное занудство, и примитивный комплимент.

– А давайте съедим его вместе? – предложил он.

– Прямо тут, в торговом зале?

– Можно и тут. Но тогда дальнейшее знакомство нам придется продолжить за решеткой. Против чего не возражаю, будет время познакомиться ближе.

– За решеткой чревато. Говорят, там со всеми делиться надо, а кусочек и так небольшой.

– Жадина. Тогда могу предложить вам уютное убежище у себя. Гарантирую нечестный дележ: один к двум в вашу пользу.

– Значит, вы приглашаете меня домой? – пошла напрямую я.

– А у вас есть другой способ расстаться друзьями?

– Нет. Но за кусок сыра я не продамся. Тем более что он принадлежит мне по праву.

– А у меня еще испанское вино есть. Белое, сухое.

– Французский сыр с испанским вином? Моветон!

Наваждение схлынуло. Обыкновенный ловелас. Может быть, несколько остроумнее и находчивее, чем другие. Но все же из той же породы. Я гордо развернула свою тележку и величаво двинулась к кассе. Не скажу, чтобы меня каждый день приглашали в гости интересные молодые люди, но чем реже поступают такие предложения, тем разборчивее становишься.

– Девушка, ну хоть телефончик-то оставьте!

– Свой иметь надо, – сварливо огрызнулась я.

– Я вас все равно найду!

Несмотря на то что знакомство так и не состоялось, настроение поднялось. А ведь ничего не произошло. Обычный легкий, ни к чему не обязывающий флирт. Обычный тип. Даже не на белом коне. Даже не блондин, а какой-то сивый. И лохматый. Но как же хочется вернуться и пригладить его жесткие, растрепанные волосы! Чтобы ненароком не влюбиться, я решила назвать его Камамбер. Мужчина с сырным именем просто обязан быть смешным и прозаичным.

* * *

– Нет, ты можешь себе представить? – трещала в телефонную трубку Алина. – Они отказались покупать краску! Как же могут люди быть такими равнодушными! Я спросила у бухгалтерши, есть ли у нее сын. Она сказала, что ее сын – приличный мальчик. Я ей толкую, что ее приличный мальчик вот-вот станет наркоманом, а она и слушать ничего не хочет! Они просто меня выставили! Кстати, у тебя был, кажется, знакомый журналист?

– Ты решила ослабить главного бухгалтера нашего завода? – не очень испугалась я.

– Можно и это. Кстати, хорошая мысль! А вообще, у нас завтра рейд в «Пароходе». Будем отлавливать молодых и старых наркоманов, фотографировать и вывешивать на доску позора. Правда, администрация города не разрешила нам эту доску устанавливать, но мы все равно установим. Пока все поймут, что к чему, город увидит воочию свои родимые пятна и начнет с ними борьбу. Ведь может быть такое, что сын – наркоман, а родители его, вполне порядочные люди, этого не знают. Для этого нам и корреспондент нужен, он заранее статью в газете напишет, чтобы у доски позора как можно больше народу собралось. А потом опубликует злободневный репортаж, как эту доску администрация демонтирует.

– Алина, а с милицией ваш рейд согласован? – забеспокоилась я. – А то устроите потасовку в клубе, сами на доску позора попадете.

– Согласован. Это вообще их рейд, они станут отлавливать, а мы будем тихонечко в стороне стоять и фотографировать, пока не прогонят. Только ты никому не говори, это секретный рейд, у нас свой человек в милиции, из сочувствующих, – забеспокоилась она.

Я поклялась своим честным именем и гробом, что никому ничего не скажу, и поинтересовалась, сколько мне еще давиться салом.

– Ты о свадьбе? – грустно произнесла она. – Пока можешь не толстеть. Я решила в качестве движущейся рекламы нашего движения разрисовать его машину, закупила краску, пригласила ребят на стоянку к офису, думала, пока он на работе, сделаем ему сюрприз. А охранник нас обматерил и чуть в милицию не сдал. Представляешь, этот гад его даже не уволил! Ему какая-то железка дороже здоровья нации! Причем машину мы, оказывается, спутали и чуть не разрисовали джип его столичного партнера, который приехал устраивать какую-то сделку. Столько шума из-за чужой машины. В общем, он какой-то меркантильный, я решила еще подумать.

Значит, в «Пароходе» завтра облава. Как хорошо, что у меня есть подруга, которая в курсе всех заварушек в городе. Вот подивился бы Ариша, если бы увидел меня в боевой раскраске гота в обезьяннике! Значит, в клубе появляться завтра нельзя.

Остаток вечера был тихий. Ариша, как это часто с ним бывает, загулял в казино, вернулся под утро грустный и продувшийся в пух и прах. Я слышала, как он обиженно вздыхал и негромко бормотал что-то вниз. Хотя обычно сплю крепко и не просыпаюсь, даже если он приводит приятелей. Просто этой ночью я никак не могла уснуть. Стоило закрыть глаза и потерять над своими мыслями контроль, как они тут же устремлялись к Камамберу. Лохматому примитивному типу, при воспоминании о котором почему-то губы сами собой растягивались в глуповатую улыбку, а дыхание останавливалось где-то в середине груди и мягко толкало сердце.

Глава 4

Сначала я решила, что фото сына бывшего прокурора города на доске позора – весомый кирпичик в мою кладку. Но потом планы поменялись. В клубе я появилась в обычное время. Нашла глазами Тони, села рядом, заказала коктейль. Кажется, ко мне уже привыкли, по крайней мере, выраженного интереса не проявили. Тони резко взял мою руку:

– Где ты пропадала? Я каждый день до утра должен тебя ждать?

– А я и не обещала приходить к тебе каждый вечер.

– Тогда номер мобилы давай. Мы с тобой встречаемся или нет?

– Не знаю. Я еще не решила, нравишься ли ты мне.

– Конечно, нравлюсь, – решил он, – сама же говорила, что я отличаюсь от этого быдла, что я другой. А завтра понравлюсь еще больше.

Рейд намечался ровно на 12 часов ночи. Надо было чем-то занять время.

– У тебя с собой есть? – спросила я.

– Есть, могу и тебе взять.

– Возьми. Только в ближайшие дни меня здесь не будет, поэтому бери на пару дней. Стой, вот деньги.

– Еще чего! Я же сказал, что достану бабки, и достал!

Скоро он вернулся, сел рядом, сунул мне в ладонь пакетик. Я вернула.

– Не здесь. Оставь все у себя, сегодня пойдем ко мне.

А ладонь-то у парня вспотела! Кажется, несмотря на всю внешнюю крутизну, опыта у него маловато.

– Пошли прямо сейчас, – прошептал он мне на ухо.

– Сейчас не хочу, – капризным тоном протянула я.

И для закрепления результата продемонстрировала ему пример женской логики, противоречие слов и дела. Я плюхнулась Тони на колени и запустила руки ему под рубашку, поглаживая, пощипывая спину и наблюдая за его реакцией. Глаза юноши затуманились. Я высвободила одну руку и притянула его голову к своей груди.

– Пошли, – прошептал он.

– Пошли, – легко согласилась я, мельком взглянув на часы, – только сначала проводи меня в туалет.

К женскому туалету мы долго пробирались сквозь плотную душную массу танцующих. К моему удовлетворению, там оказалось пусто. Я велела Тони ждать, закрыла дверь, задвинула задвижку и открыла окно. Только бы они не опоздали, только бы Тони не ушел! Спустя минуту он постучал.

– Иду, – отозвалась я.

Почему же так долго не начинается? Я не могу сидеть тут вечно. А вдруг все отменили? Наобещала парню бог весть чего, придется выкручиваться. Или удирать одной и уже от него.

– Пусти, – опять подал голос Тони, – пусти, облава!

Надо же, а здесь ничего не слышно. Я открыла дверь и затащила парня внутрь. А он здорово струсил! Бледный, на висках капельки пота, озирается.

– Мне нельзя в тюрьму. Вадька меня убьет. И папаша. У нас же семья известная в городе, будет скандал, мне конец!

– Не реви, малыш, – хмыкнула я, – Карлсон с тобой. Избавься от дури и подсади меня.

Видя, как Тони судорожно роется в карманах, я молча вывернула их и спустила в унитаз все, что там находилось, включая банкноты. Мало ли что, вдруг все-таки попадемся! Окошко было узкое, но и мы не толстые. А предусмотрительно построенная мной пирамида из картонной тары за окном сделала наше бегство и вовсе комфортным. От Алины я знала, что у туалета

засаду ставить не собираются, только у центрального и черного хода. Мы с Тони закрыли окно, засели за ящиками и наблюдали, как из черного хода пытаются выскользнуть неясные тени, как на них тут же набрасываются крепкие парни. Вся эта фантазмагория дополнялась вспышками фотоаппаратов и отборным матом. Сидеть нам пришлось долго. Даже когда все закончилось, мы ждали некоторое время, пока все совсем не затихнет. Эротический запал у парня, слава богу, прошел, теперь его волновало только спасение собственной шкуры.

– Хорошо, что догадались все выкинуть. Я сначала и не вспомнил. Ты представляешь, что было бы, если бы у меня дурь нашли? – прошептал он. – Это же статья! Там на «распространение» наберется! А зачем ты бабки-то выкинула?

– Нет, надо было все рассортировать, разложить по кучкам, аккуратно расправить и дожидаться, когда нас накроют. Времени не было!

– У меня теперь даже на такси не наберется. Как домой попаду? Я живу далеко, в коттеджном поселке. Тебе хорошо, в городе живешь.

Заскулил. Нормальный парень хоть спасибо бы за спасение собственной шкуры сказал, а этот ворчит, что лишнее выкинула. Да еще переживает, как осилить пару километров без кошелька в кармане. Непригодный, никчемный тип.

– И у меня нет, – пожала плечами я, – договорись, что зайдешь домой за деньгами и расплатишься.

– А если таксист не поверит?

– Позвони брату или отцу, они за тобой приедут.

– Ага. Примчатся.

– Выхода у тебя все равно нет, звони.

Он послушался. Вадим будто ждал его звонка, по крайней мере, трубку снял сразу. Я слышала короткие лаконичные вопросы, расплывчатые ответы Тони.

– Сейчас приедет, даже не орал, – удивился он и тут же поправился: – Вообще-то он меня уважает, просто когда не в духе – срывается.

Вадим приехал быстро, встретились мы в квартале от ночного клуба. Мы стояли в почти полной темноте и дрожали, как мышата. От холода, от пережитого страха, от возбуждения. Вадим вышел из машины, схватил брата за шиворот и бросил на заднее сиденье, как котенка. Я осталась стоять у белой кирпичной стены. Опять стена...

Машина не уезжала, братья о чем-то спорили. Мне слышались лишь обрывки фраз: шалава... вытащила... если бы не она... да пошел ты... Я ждала, когда Тони убедит Вадима подбросить свою подружку до дома. Во-первых, пришла пора познакомиться со старшим братом, во-вторых, если бы Тони просто так оставил меня одну, значит, не так уж я ему и интересна. Кстати было бы узнать, как принято в этой семье расплачиваться с людьми, которые сделали им добро. Приглашающе открылась передняя дверь, я не заставила себя уговаривать. Хорошо, что Вадим решил посадить меня вперед, он должен запомнить лицо спасительницы семейной чести. Вернее, не само лицо, а маску, которую я нарисовала.

– Это правда, что ты вытащила брата?

– Он же тебе сказал.

– Что ты там делала?

– То же, что и он.

– Где тебя посадить?

– Через два светофора.

На следующем перекрестке мы остановились. Теперь Вадим не смотрел на дорогу, можно продемонстрировать ему себя, благо под фонарем довольно светло. Я специально медленно и «со значением» повернула голову в его сторону. Ничего себе братец! Непослушные жесткие волосы, широкие скулы, упрямый рот. Камамбер.

Хорошо, что я временно потеряла дар речи. Хорошо, что Вадим не мог узнать в странной подружке своего брата девушку из супермаркета. Хорошо, что, меняя внешность, я позаботилась и о легком понижении тембра голоса. Вадим еще пытался задавать мне какие-то вопросы, я же молчала, боясь себя выдать. На следующем перекрестке он остановил машину, сунул мне в руку что-то, кажется, визитку, открыл дверцу. Я вышла, не сказав больше ни слова, и скрылась в темноте. То, что дал мне Вадим, рассмотрела в своей машине, припаркованной в ближайшем дворе. Двадцатидолларовая потерянная купюра и визитка. Дорого же ты оцениваешь честь семьи! Может, что-нибудь интересное скажет нам визитка? Ничего для меня нового. А вот электронный адрес и номер телефона пригодятся. Конечно, при желании я и так смогла бы их раздобыть, но нет ничего плохого в том, что они сами приплыли ко мне в руки. Номер телефона в свою записную книжку заносить не буду, постараюсь запомнить. Тем более что он запоминается легко – единицы, пятерки... Так вот кто так активно общается с Мариной!

* * *

Я гнала машину по ночному городу. Как же я ухитрилась не узнать своих врагов в лицо сразу? Ведь если бы не грим девочки-гота, то все мои усилия можно было бы считать напрасными. Интересно было бы посмотреть на реакцию Вадима: девушка, к которой он клеился в супермаркете, – подружка его непутевого брата.

В связи с новым любопытным обстоятельством следовало ускорить знакомство с Мариной. Интересно, о чем это постоянно созваниваются мачеха с пасынком? Конечно, у них может быть много общих интересов. Общее дело, например. Хотя дураку ясно, что Марина занимает лишь номинальное положение в бизнесе. Кроме того, они родственники, живут в одном доме. Вадим даже не брезгает закупать продукты. Интересно, а домработница у них есть? Вряд ли Марина ведет все хозяйство, обычно молодых жен заводят не для этого.

Неожиданно я поймала себя на мысли, что думаю о женщине с раздражением. Раньше этого не было. Я даже слегка сочувствовала ей: надо же ухитриться выйти замуж за такого мерзкого типа, как Синдяков! Даже учитывая материальный фактор – противно. Так что же изменилось в моем к ней отношении? Появление на сцене Вадима, естественно. И моей неконтролируемой симпатии к сыну врага. С детства с иронией относилась к мелодрамам. Ромео и Джульетта – не мои герои. А те же лица в тридцатилетнем возрасте – и вовсе пародия на трагедию. А моя трагедия не имела права даже на легкую ухмылку. Потому что это не была выдуманная трагедия. И самые трагические ее части я проиграла одна.

– Чего-то ты раскисла, Полетт, – покачал головой дед, выслушав мой отчет, – на мой взгляд, все складывается гладко. То, что ты познакомилась с Вадимом в супермаркете, – случайность, но вовсе не роковая. Весь наш поселок там отоваривается, ничего удивительного, что некоторые лица кажутся знакомыми. Дорогая, по сути – мы все соседи и должны знать друг друга в лицо! Этот же факт оправдывает и твое планируемое знакомство с Мариной. Какой бы ход ты ни придумала для установления контакта, возникшую симпатию всегда можно обосновать стереотипом: «А я думаю, чего это ваше лицо кажется мне таким знакомым?!» В гриме, в котором ты встречаешься с Тони, ты неузнаваема, умница, что догадалась поменять тембр голоса. При более активном общении тебя, конечно, можно будет вычислить, но до тесного общения со всей семейкой, думаю, дело не дойдет. Кстати, каков твой следующий шаг?

– Начну выжимать деньги из Тони. Для этого ему придется пойти на конфликт с братом и отцом. И узнаю, связывает ли что-нибудь, кроме деловых и родственных отношений, Марину и Вадима.

– А почему их должно еще что-то связывать? – удивился Ариша. – Или у тебя есть основания для подозрений?

– Нет оснований. Просто не может такой мерзкий тип не воспользоваться присутствием в доме молодой и красивой женщины.

– А мне кажется, Вадим производит приятное впечатление, – внимательно посмотрел на меня дед. – Вот старший Синдяков действительно имеет отталкивающую внешность. Хотя тебе знать лучше. Меня Вадим в магазинах не кадрил. Ну, чего злишься? Шучу. Мне тоже эта семейка отвратительна. Пойдем, я сварю тебе кофе, а то как-то мерзко.

Больше к этому разговору мы не возвращались. Ариша сварил восхитительный кофе, я порезала камамбер и открыла пачку с печеньем. Правда, ни одного кусочка своего любимого сыра я так и не взяла с тарелочки – при одном виде влажного ломтика с нежной плесенью по краям меня начинало подташнивать. Нет, этот гад за сыр мне заплатит отдельно! В жизни и так мало простых радостей, так он лишил меня одной из них – чревоугодия.

* * *

Хотя в моих планах этого пункта не значилось, но сегодня был выходной, торчать весь день на рабочем месте не требовалось, и я решила познакомиться с самим Владимиром Михайловичем Синдяковым. Правда, официальное знакомство было устраивать пока рано, но знать врага в лицо просто необходимо. А то вот так переведешь дедушку через дорогу, и это окажется бывший главный прокурор города. Нет, я тщательно изучила фото врага в газетах, просмотрела все файлы, связанные с его именем, в Интернете. Но сегодня, не затрудняясь поиском рационального оправдания своего навязчивого желания, захотела рассмотреть его «живьем». Ведь той ночью я слышала только его голос. А то что получается? Я плету сети вокруг его близких, которые лично мне не сделали ничего плохого, а главного героя планируемой трагедии не знаю даже в лицо. И от этого игра моя идет как выполняемое отличником домашнее задание – старательно и вяло. А может, я увижу его и пойму, что не хочу никакой мести? Что этот пенсионер и тот уверенный в себе мерзавец уже разные люди? А может, эта встреча подтолкнет меня к скорейшему развитию событий или придаст им новое направление... К тому же стоило попробовать проникнуть в дом Синдяковых и установить наконец-то прослушку.

Не особо утруждая себя изобретением колеса, я набрала номер домашнего телефона с визитки Вадима. На «алло», прозвучавшее после пятого звонка, я затараторила с мягким южным акцентом:

– Добрый день, с вами говорит внештатный корреспондент газеты «Горовск сегодня» Элла Усенко. В связи с предстоящим празднованием Дня города мы готовим подборку очерков о знаменитых людях Горовска. Я хотела бы поговорить с Синдяковым Владимиром Михайловичем.

– Это я.

– Ой, как повезло! А я думала, дворецкий! Вы не могли бы уделить мне полчаса для интервью, скажем, сегодня, у вас дома?

– Только не дома и не сегодня, – последовал сухой ответ.

Так. На интервью, кажется, согласен, но в восторг не пришел. Голыми руками его не возьмешь. Применим тяжелую артиллерию.

– Вы знаете, – продолжила я, подпустив в голос просто неприличную порцию сладости, – у меня большой опыт работы в прессе, но в газете «Горовск сегодня» я новичок, нахожусь на испытательном сроке. Страх как хочется выполнить первое задание классно. Я очень, очень хорошо пишу! А в редакции на меня все смотрят, как на красивую куклу. Вот скажите, если девушка блондинка и весьма недурна собой, то разве она не может быть толковым профессионалом? Мне так хочется всем им доказать! Вы, как мужчина, мне поможете?

Конечно, он не смог отказать в маленькой просьбе девушке. И чего это немолодые мужики так падки на блондинок? Наверное, во внешности этих представительниц прекрасного пола меньше признаков агрессивности, чем во внешности брюнеток. Я представила, как шарахнулся бы от меня Синдяков, явись я перед ним в прикиде Эллы-гота, и постаралась на славу: алое легкое платье, золотые босоножки на шпильках, платиновый парик, броский макияж в голубовато-розовых тонах. Безвкусно и мило. Особо выделила брови и добавила линзы с густым карим оттенком. Пусть думает, что я крашенная в блондинку южаночка. В какой-то момент мне показалось, что я больше похожа на девицу легкого поведения, чем на журналистку, но потом вспомнила, что мой враг никогда не гнушался общением с подобного рода персонами, и успокоилась. Если так можно назвать состояние, в котором я ехала на эту встречу.

На всякий случай я прихватила редакционное удостоверение моего приятеля Антона Ярцева, корреспондента этой газеты. Когда-то давно Ярцев потерял удостоверение, сделал новое, а спустя время старое нашлось у меня в гостиной за диваном. Не задумываясь особо о том, как оно туда попало, я скрыла сей факт от друзей – шуток не оберешься. Сейчас я рискнула и взяла удостоверение с собой. В нужный момент можно будет помахать корочками. Правда, если Синдяков захочет на него посмотреть вблизи, ни мне, ни Ярцеву не поздоровится. Но это «если». В крайнем случае уроним его в кетчуп. Удостоверение, конечно, а не прокурора.

Машину, как всегда, пришлось бросить за пару кварталов и взять такси. В ресторан я специально опоздала на десять минут – будет о чем потрещать в самом начале встречи. Синдякова увидела сразу. Натянула на лицо улыбку и на негнувшихся ногах подошла к столику.

– Я – Элла.

– Владимир Михайлович, – представился он, – можно просто Володя.

При первых звуках его голоса меня замутило. Телефон несколько искажает голос, поэтому предварительный разговор дался мне легче. Чтобы скрыть свое замешательство, я раскрыла сумочку и опустила голову:

– Ой, сейчас удостоверение покажу, в этой сумочке сроду все теряется!

– Не утруждайтесь, – смилостивился он, – я вам верю.

– Да как же! А вдруг я какая-нибудь прошельга. Заманю вас в западню и ограблю. Сейчас знаете каким надо быть осторожным? Одних клофелинщиц развелось тьма. Я даже про них статью писала. А, вот же оно.

Я помахала в воздухе раскрытым удостоверением. Слава богу, он смотрел не на него, а на мое откровенное декольте.

– Простите, что опоздала, машины своей нет, а попутки ловить боюсь, водители разные бывают, могут и завезти куда-нибудь. Сейчас я быстренько возьму у вас интервью, и вы больше никогда меня не увидите!

– Напротив, у меня есть к вам одна просьба, – сообщил прокурор, – когда статья будет готова, вы покажете ее мне. И если она мне не понравится, мы не будем ее публиковать.

– Да как же так, – «растерялась» я, – я уже похвалилась в редакции, что с вами встречаюсь. Они же требуют будут.

– А вы заранее пожалуйте, что я на встречу не явился. Если все будет хорошо, то готовое интервью станет для них сюрпризом. А если нет – вы не виноваты. Я, в свою очередь, обещаю не соглашаться на встречу с другим корреспондентом. В знак возмещения возможного морального ущерба обязуюсь вкусно накормить вас сегодня.

Подстраховывается, гад. Видит, что таланта у интервьюера кот наплакал. И лексикончик еще тот. Значит, заранее решил, что разрешения на публикацию интервью не даст. А вот пообщаться с простецкой девицей можно. И следующую встречу запланировать. Якобы для оценки готового текста.

От злости волнение схлынуло, и я смогла наконец посмотреть ему в лицо. Обычный ухоженный пожилой человек. Дорого одет, гладко выбрит, благородная седина, легкий шлейф недешевого парфюма. Только откуда это ощущение слизи? Кажется, коснешься его, и от руки потянется вязкая мерзкая нить. «Он слизняк, – сказала я себе, – не злодей, не негодяй, просто тупой бесформенный кусок животного белка. Существо из другого мира, убивающее без эмоций. И уничтожить его надо так же – без эмоций. Потому что так надо».

Небольшой аутотренинг помог. Я смогла вернуться в роль недалекой журналистки, положила на стол диктофон и стала засыпать сидящего напротив меня человека незатейливыми вопросами. О работе, о семье, о его вкладе в борьбу с организованной преступностью. Он с удовольствием отвечал. обстоятельно, подробно, с барским снисхождением. В какой-то момент я не удержалась:

– Вы так хорошо выглядите. Наверное, даже занимаетесь спортом? Я слышала, что лет десять назад вы попали в автомобильную катастрофу. Не повлияла ли она на ваше здоровье?

– Это очень неприятная история, – вздохнул он, – и мне не хотелось бы вспоминать о ней.

– А не для прессы? – состроила я заинтересованную рожицу. – Вы не сильно пострадали? Страшно, наверное, было?

– Бог уберег меня. В тот день я допоздна работал. Как всегда, на самые важные дела времени в течение рабочего дня не хватает. Спешил домой, жена лежала с высокой температурой. А тут на красный свет и вылетели эти недоумки. Мой водитель хоть и ехал с невысокой скоростью, увильнуть не успел. Если бы за рулем той машины сидел адекватный человек, они бы спаслись. Но, как потом выяснилось, и водитель, и пассажирка находились в крайней степени опьянения. Законченные алкоголики, отбросы общества. Наверное, в том, что они погибли, заключался божий промысел.

– Машину угнали, поди-ка? – подыграла я.

– Почему угнали? – не понял он.

– Ну, если они отбросы и законченные алкоголики, откуда у них своя машина?

– Угнали, – не утрудил себя правдоподобным ответом Синдяков, обгрызая ножку цыпленка табака.

– Вот молодежь! Ни о себе не думают, ни о других, а ведь все равно жалко. Погибли во цвете лет, – пригорюнилась я.

– Да нет, они немолодые уже были, – отмахнулся Синдяков, – у них даже ребенок был. Я перечислил ему крупную сумму денег. Хоть и не было моей вины в аварии, видит бог, но сын не должен страдать из-за дури родителей.

– Вы – благородный человек, – выдавила я из себя, – так легко простили жертв аварии.

– Жертвы! Это я жертва! Нормальному человеку уже по своему городу проехать нельзя, чтобы какой-нибудь говнюк не подвернулся. Ни днем ни ночью покоя нет. Учить их надо. И давайте закончим о грустном. Я вам лучше расскажу, как я удостоился чести...

Дальнейшее я воспринимала с трудом. Последние слова Синдякова. Именно их я слышала в ту ночь у холодной кирпичной стены. В ушах звенело. Ничего не изменилось. Даже капли раскаяния не звучало в его голосе, напротив, он будто убедил сам себя, что так все и было. Он, законопослушный гражданин, ехал с черепашьей скоростью, а мама и папа... Он даже не помнил пол ребенка, которого ограбил после убийства его родителей! Или не удосужился узнать. Словно китайский болванчик кивала я, создавая видимость заинтересованности его речью. Глупая натянутая улыбка прочно прилипла к лицу. Ладони взмокли. В себя я пришла, только когда почувствовала его руку у себя на колене.

– Вы ничего не едите. Давайте продолжим наше интервью в другом месте? За городом есть прекрасный ресторанчик. Уютные номера, свежий воздух, тишина. Поедем? А то от городской жары, смотрю, вас совсем сморило.

Слизняк, напомнила я себе, мерзкий глупый слизняк. Но давить его еще рано.

– Сегодня я не в форме, – пожаловалась я, – всю ночь с подружкой в клубе протусила. А давайте увидимся именно в этом ресторанчике в следующий раз? Там вы и прочитаете готовое интервью! Все равно надо где-то встречаться. Я позвоню.

Естественно, встречаться с ним я не собиралась, просто надо было как-то закруглить встречу. Эта сволочь взяла меня за руку и подарила долгий недвусмысленный взгляд. Я, как смогла медленно, отняла руку.

– А сейчас мне пора.

Дома первым делом я приняла душ. И до ссадины терла колено, которого он касался. Ненавижу. Наконец я поняла, почему мне просто необходимо было сегодня увидеть старшего Синдякова. Встреча с Вадимом расслабила меня и в глубине души зародила зерно сомнения: а надо ли трогать близких убийцы моих родителей? И насколько жестока должна быть моя месть? Встреча с экс-прокурором рассеяла все сомнения. Жестока. Зло до сих пор не просто ходит безнаказанным, но и уверовало в свою правоту. Жестока. Иначе я всегда буду ощущать за спиной холодную кирпичную стену.

Выйдя из душа, я еще час промаялась, не находя себе места. Книга не читалась, саксофон фальшивил, общаться не хотелось даже с дедом. Внезапно я поняла, чего мне не хватает, что поможет снять омерзение, оставленное в душе после общения с убийцей. Через пятнадцать минут я уже выезжала за ворота. В цветочном магазине купила охпку белоснежных хрупких колокольчиков и тонких изящных ирисов и поехала привычной дорогой.

Давно я не была на кладбище. Могилка мамы и папы выглядела слегка подзабытой, посаженные мной маленькие робкие маргаритки совсем задавила наглая раскидистая лебеда. Один куст так разросся, что закрыл фотографию на памятнике. Я с неприязнью смотрела на этот самоуверенный сорняк: какое право он имеет лезть в чужие владения? Почему-то возникла ассоциация с прокурором – он так же влез в нашу жизнь и закрыл для нас небо. Для родителей – навсегда, нам же с Аришей оставил редкие жалкие просветы. На глаза накатались злые слезы, я начала дергать траву и зашвыривать ее подальше. Вот открылись смеющиеся лица родителей, вот – матово засияли маргаритки. Я даже испытала разочарование, когда увидела, что все сорняки уничтожены.

– Простите меня, – шепнула я, глядя в родные глаза, – я спокойно жила, училась, развлекалась и позволяла этому жирному сорняку закрывать вам солнце. Я уничтожу его.

Я давно научилась разговаривать с ними, казалось, они отвечали на мои вопросы, поддерживали или отговаривали, когда я не могла принять решение. Сейчас в глазах родителей я не увидела торжественного согласия с моей клятвой, казалось, они просто радовались открывшемуся для них солнцу, освобожденным цветам, моему присутствию. И мне стало немного легче. Так легко становится, когда избавляешься от старого хлама и грязи. Но дышать полной грудью я все-таки не могла.

– Подождите еще немного, – попросила я, – скоро все встанет на свои места.

Глава 5

– Тони, а почему у тебя нет своей машины? В прошлый раз было довольно унижительно ждать, когда твой брат соизволит пустить меня.

Сегодня я изменила своему правилу и встретила с Тони не в клубе, а в городе. Мы забрались в глубь городского парка и просто валялись на прогретой солнцем траве.

– Машину я разбил два года назад. Не могу ездить по правилам и на низкой скорости, меньше ста сорока не катаюсь. Меня даже гаишники перестали за непристегнутый ремень останавливать, привыкли. Я лучше штраф заплачу, чем как лох ездить буду. Вадька психанул и не стал покупать мне новую.

– Нормально. У вас в семье главный твой брат, а не отец? Может, папаша тоже у него на хлебушек просит, как ты?

– Ничего мы у него не просим, – надулся Тони, – просто он отвечает в семье за бюджет, а мы за все остальное. Он о тебе, между прочим, спрашивал.

– Слышали-с. Шлюшкой обзывали-с.

– Это до того, как я рассказал, что ты меня от облавы спасла. Он знаешь как за семейную честь трясется!

– За честь, а не за тебя. Если бы брата за наркоту посадили, его репутацию это здорово подпортило бы. А на тебя ему наплевать.

– Да не наезжай ты на него! Нормальный мужик. Меня не трогает, бабло дает без возражений. Другой давно запил бы, ведь Вадька весь дом на себе тащит.

– Тоник, – ласково спросила я, – а ты вообще что умеешь? Вот ты сказал, что Вадим занимается бюджетом и домом. А ты всем остальным. Чем?

– Ну, это, – наморщил он лоб, – всего не расскажешь. Есть много чисто мужских дел, о которых говорить не принято.

– Ты школу-то закончил?

– Конечно! И за это Вадьке спасибо. Если бы кому надо в лапу не сунул, остался бы я на второй год. Мамка в институт заставляла идти, а брат ее отговорил. Потом, после развода, мамка к сестре уехала, вообще не жизнь, а лафа поперла. Бате пилить меня некогда, Вадьке – пофиг. Пробовал в компании у него работать, не пошло. Начальником Вадька не ставит, а в шестерках ходить не привык. С тех пор и живу себе в удовольствие. А ты говоришь.

– То есть получается, что твой братец намеренно делал все, чтобы отвести тебя подальше от дела, – констатировала я, – конечно, зачем ему умный конкурент! Вот окончил бы ты институт, разобрался бы в делах компании, глядишь, некогда было бы по клубам шлаться. А так лет через пять – передоз. Расходы на похороны – и свободен. Умен, ничего не скажешь.

– Заткнись, дура! – сорвался Тони. – Ты ничего не понимаешь! Он вообще после вчерашнего кредит мне закрыл, чтобы я дозу купить не смог! А все ты виновата: «Вызови брата, пусть подвезет». Не выбросила бы деньги, не пришлось бы ему все рассказывать. Как я теперь? В кармане одна мелочь!

Я промолчала. Пожалуй, на сегодня хватит. Наживка заброшена, на досуге мальчик пусть подумает. Сейчас только еще немножко поддразню:

– Не сердись, Тоник, я больше не буду. Просто бродим с тобой, как бомжи какие. А были бы машина и деньги, можно было бы на пару дней за город податься. Я такой кемпинг классный знаю: бар шикарный, джакузи, номера по высшему классу, оттянулись бы.

Глазенки у парня загорелись.

– А зачем нам кемпинг? Здесь тоже тихо. А вечером будет безлюдно.

– С ума сошел? Я на бездомную собачку похожа? Я девушка нежная, шелковые простыни люблю. Так что отдыхай. Эх, жарко. На мороженое-то у тебя хватит?

Тони сбегал за мороженым. Я стала лениво лизать свой рожок, искоса поглядывая на парня.

– Слушай, Тони, а твой брат вроде неженатый?

– Разведен. Жена в Германию уехала, уже замуж второй раз вышла.

– Вот дура! Чего она от него сбежала-то? Красивый, богатый, добрый, по твоим словам. Говоришь, он обо мне спрашивал? И чего ты ему сказал? Я ему понравилась?

– Что сказал, то и сказал. И чего это он больно красивый-то? Мы с ним похожи.

– Не скажи. С тобой прикольно, но серенько как-то. А богатые и успешные мужчины обладают определенным шармом. Так и хочется им подчиняться и продаваться.

– Все вы продажные.

– Продажные, факт. И у каждой своя цена. И каждая эту цену знает. Кроме мороженого, сегодня ничего не будет? Тогда я – домой. Скучно мне с тобой.

– Элла, постой, – схватил он меня за руку, – а если я денег достану и машину возьму, поедешь со мной в этот кемпинг?

– Один раз? Не поеду. К хорошему быстро привыкаешь. После шампанского с клубникой тошно будет мороженым давиться. Пока, малыш. Не ищи меня.

Хорошо, что парк был довольно-таки людным. Если бы вблизи никого не было, Тони, наверное, ударил бы меня. Я тщательно проверила, не следит ли он за мной, и только после этого добралась до своей машины и сняла парик. Летом в парике и гриме и правда было жарко.

* * *

Теперь следовало помуржить Тони подольше и не попадаться ему на глаза по меньшей мере неделю. А эту неделю следовало себя чем-то занять. Например, Мариной. Надо как-то войти к ней в доверие и время от времени ухитриться проверять ее сумочку и соловьиный. А сделать это можно только в бассейне. Для начала я ушла из группы аквааэробики под предлогом дискомфорта в мышцах – девица я нетренированная, ручки-ножки после занятий болят, любой поверит.

Предлога для знакомства не подворачивалось, поэтому пока я просто присматривалась к девушке и старалась чаще попадаться ей на глаза.

Пару раз со мной приходила Алина, но моя подруга совершенно не могла терпеть, чтобы ею командовали. Два занятия подряд она спорила с инструкторами, занимающимися с организованными группами, потом решила собрать свою команду. Но войска под ее знамя сбегаться не хотели, в конце концов кто-то из посетителей бассейна пожаловался на нее администрации, Алина имела серьезный разговор с директором, и после того, как он отказался следовать ее рекомендациям, ушла, громко хлопнув дверью и пригрозив наслать на них порчу в лице санэпидстанции. Бассейн закрыли на санобработку, и я вообще оказалась не у дел. Пришлось поддаться уговорам подруги и сходить с ней на открытие «доски позора». Тем более что в душе я была все-таки на стороне ребят. Правильное дело делают, хоть и несколько коряво.

Даже майку и бейсболку надела, чем вызвала неопишумый восторг и заслужила звонкий чмок в щеку. Правда, категорически заявила, что стоять в оцеплении и участвовать в беспорядках я не буду. Согласилась лишь находиться в толпе сочувствующих и выкрикивать что-нибудь ободряющее, если в том возникнет необходимость. Мне и правда было любопытно посмотреть, что выйдет из очередного сумасбродного мероприятия моей подруги и иже с ней.

К моему удивлению, все было чинно и благородно. Фотографии посетителей «Парохода» действительно производили удручающее впечатление, активисты движения толкали проникновенные речи, не было ни излишней патетики, ни мелодраматичной слезливости. Даже меня проняло. Интересно, что случилось бы с моей Алиной, если бы на «доске позора» висел и мой портрет? Узнала бы она свою подругу? Фотографии подписаны не были, но в нашем маленьком

городке и так все знали, кто чей ребенок. Да, великую услугу оказала я семейству Синдяковых! Интересно, как у них с чувством благодарности?

Неожиданно в толпе любопытствующих я увидела Тони. Захотелось пощекотать нервы. Я надвинула бейсболку поглубже на глаза, подошла к нему вплотную и стала бок о бок. Интересно, почувствует он что-нибудь или нет? Хорошо, что я редко пользуюсь духами и не слеую правилу истинных леди – не менять парфюм в течение всей жизни. А больше подловить меня не на чем. Тони выглядел не очень. Синие тени под глазами, бледный вид. Значит, братец кредит закрыл? И ты думаешь, что это он проявляет заботу? Интересно, сколько ты будешь так думать. Одно дело – девчонка сбежала. Обидно, но не смертельно. Другое – оказаться без привычной дозы. Посмотрим, сколько ты протянешь. А сейчас мы немного потреплем тебе нервы. А то какой-то ты вялый, дружок. Всем ты доволен, все тебе нравится, все тебе хорошие.

– Я бы этих уродов без суда расстреливала, – буркнула я себе под нос.

Тони резко дернулся, посмотрел в мою сторону. Наверное, какие-то нотки в моем голосе скрыть не удалось. Увидев рядом с собой девушку с явно не демонической внешностью, немного расслабился. Я же, поймав его взгляд, пояснила:

– Я про наркош. Глянь на уродов, – кивнула я в сторону «доски позора» студентке в такой же, как у меня, экипировке, – вырожденцы, отбросы нации.

– Все из семей потомственных алкашей и дегенератов. Я бы на месте близких только и ждала бы, когда сдохнут от передоза, – поддержала меня девушка.

– Не все же, – непонятно о чем вяло возразил Тони.

– Все, – рубанула я, – ладно, если еще семья действительно убогая. А если нет? Куда родственники смотрят? Сами живут, как люди, карьеру делают, на лучших курортах отдыхают, а близкие тихо загибаются. Эй, а ты, случаем, не из тех? Что-то синенький какой-то.

Тони отвернулся. Воспользовавшись моментом, я поспешила ретироваться. Особо увлекаться тоже не стоило. Когда минут через пять я попыталась найти глазами Тони, в толпе его уже не было.

* * *

Наконец-то открыли бассейн после профилактики. В первый же вечер я решила действовать. Для начала неприлично долго задержалась в душевой, дождалась, когда все закончат водные процедуры и выйдут в бассейн. Раздевалка находилась на первом этаже, душевые и сам бассейн – на втором. Чтобы попасть из раздевалки в душевые, необходимо было пройти два лестничных пролета. Между сменами этот участок был довольно оживленный, я же вычислила время, когда одна смена уже плескалась в воде, а вторая еще не пришла. Главным было не нарваться на таких же праздношатающихся граждан, как я, и на обслуживающий персонал бассейна.

Кажется, можно. Я открыла шкафчик Марины и быстро переложила все его содержимое в большую спортивную сумку, купленную только что на ближайшем рыночке. Завернувшись в полотенце, прошлепала к лестнице и задвинула сумку под нее, в тесное и темное пространство между полом и первым лестничным пролетом. Теперь – бежать, пока не застучали. Еще несколько минут я простояла перед дверью, ведущей в бассейн. Казалось, стоит мне войти, взгляды всех тут же обратятся на меня. А вид у меня был явно напуганный. Пришлось успокаиваться. Я же, в конце концов, не мелкий воришка. И вещи не пропадут. Просто их хозяйке придется немного понервничать. Сделав глубокий вздох, я постаралась принять равнодушный вид и проскользнула в дверь. Кажется, до меня не было никому никакого дела. Как хорошо, что я не обладаю внешностью спасательниц Малибу!

Я немного побродила вдоль кромки бассейна, простояла у лесенки, ведущей в воду, тихо-нечко спустилась вниз. Теперь надо укротить свое любопытство и немного задержаться в воде,

пока посетители не начнут выходить в душ. Прозвучал сигнал к окончанию времени, народ неохотно стал выбираться из воды. Вот за дверью скрылась Марина. Можно идти и мне, а то все пропущу. Уже спускаясь по лестнице к раздевалкам, я услышала неясный гомон. Все, началось. Стоп. Сердце екнуло в груди. Почему пол мокрый? Явно только что помытая лестница глянцево блестела в неярком свете скудного освещения. Я немного спустилась и бросила взгляд под лестницу. Пол там тоже был влажный. Я быстро нагнулась и попыталась рукой нащупать сумку, но сверху послышались торопливые шаги, я быстро отдернула руку и прошмыгнула в раздевалку. Кажется, сумку уже нашли. И все мои старания полетели к чертям собачьим. И дернуло же уборщицу именно в эти двадцать минут заняться уборкой!

В раздевалке атмосфера была накалена до предела. У открытого шкафчика стояла в одном купальнике Марина. На лице ее алели красные пятна, в глазах плескались слезы. Рядом, подбоченившись, стояла тетка в синем служебном халате.

– Ты точно в этот шкафчик клала? Может, в другой? Покажь бирку-то, а то сами все напугают, а на людей орут.

Марина протянула ей ключ с биркой.

– Ну, не знаю. Сама разбирайся. Мы за сохранность не отвечаем.

– А что же мне делать-то? Вы обязаны помочь!

– Это я тебе обязана? Ишь, развевалась! Никто тебе тут ничем не обязан. Сама прозевала свои шмотки, сама и ищи. И нечего на людей кидаться! Нахалка какая.

Тетка развернулась и спокойно пошла прочь. Именно на обычную «отзывчивость» обслуживающего персонала я и рассчитывала. И не ошиблась! Значит, сумка так и стоит под лестницей, уборщица ее не заметила. События тем временем развивались по моему плану. Марина растерянно молчала у шкафчика, другие женщины сочувствующе посматривали в ее сторону, но помочь желания никто не проявлял.

– В администрацию идите, – наконец подсказала одна, – пусть директор ищет.

– Не будут они искать, – вступила в разговор другая, – у меня кошелек месяц назад украли, директор даже разговаривать со мной не стал. Вон, объявление повесил, читайте.

На стене действительно висел стандартный листок с отпечатанным на компьютере предупреждением: «Администрация бассейна не несет ответственности за сохранность ваших вещей».

– Так одно – кошелек, а другое – весь гардероб. Позвони домой, пусть тебе одежду хоть какую принесут.

– Так телефон тоже украли, – всхлипнула Марина.

– Иди на вахту, там позвонишь.

– В купальнике? Через весь спортивный комплекс? Женщины, дайте кто-нибудь телефон, – попросила Марина.

Ей никто не ответил. Раздевалка почти опустела, остались только я, Марина и две припозднившиеся дамы. Одна из них бросила сочувствующий взгляд на бедолагу и стала рыться в сумочке. А вот это не входило в мои планы. Сейчас появится предприимчивый Вадим, разовьет бурную деятельность, все быстренько уладит, а я поеду домой несолоно хлебавши. Ну уж нет.

– Какой телефон, – начала я свою партию, – вы чего, женщины? Воровство, как я понимаю, не первое, оставили раздетого человека одного в центре города и не несут ответственности? Как вас зовут? Марина? Меня – Полина. Сейчас мы им устроим. Ждите тут, не плачьте. Я сейчас вернусь.

Я намеренно не стала скрывать свое имя. Во-первых, оно значилось в абонементе, во-вторых, неизвестно, до какой глубины могла зайти планируемая мной дружба. Может, чай соседски придется друг у друга пить! Я благородно одолжила Марине предусмотрительно взятое с собой огромное махровое полотенце – у нее, к счастью, оказалось совсем маленькое, оделась и вышла. Вместе со мной вышли последние посетительницы, Марина осталась одна.

Раздетая, беспомощная, без связи, в чужом полотенце. Я была ее единственной надеждой. Мне предстояла хорошая заварушка с администрацией бассейна. Чем больше шума – тем лучше. Как там делает Алина, когда хочет, чтобы мир вращался вокруг нее? Я благополучно добралась до двери с табличкой «Директор», прочистила горло и, не постучав, ворвалась в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.